

Любовь за гранью 5. Изгой

Автор:

Ульяна Соболева

Любовь за гранью 5. Изгой

Ульяна Соболева

Любовь за гранью #5

Ее спас ОН – воин тьмы, спас случайно, выполняя очередной заказ своего Повелителя. Что принесет ей эта роковая встреча: смерть или любовь к убийце, не способному на чувства? Любовь к вампиру-карателю, изгою, одиночке, веками уничтожающему бессмертных за попрание Темных Законов... Вся его жизнь – война, он – страшная машина смерти, солдат-одиночка темной армии преисподней, его боятся даже самые жуткие твари Ада. Изгой не знает жалости, не умеет любить, не умеет плакать.

Содержит нецензурную брань.

Ульяна Соболева

Любовь за гранью 5. Изгой

ПРОЛОГ

1587 год. Польша (Гражданская война)

Смог дыма вился тонкой струйкой над обугленными домами. В глухой тишине еще раздавалось сухое потрескивание догорающих обломков старой церкви, от которой остался лишь могучий чугунный колокол, стоящий посреди сгоревших дотла строений. Мертвая деревня, только вороны кружили над своей добычей – трупами убитых жителей деревни и солдат. Бледный лунный свет пробивался из-за туч, освещая полное разрушение и изуродованные тела. В тишине раздался конский топот, одинокий всадник приближался к мертвой деревне. Светлые волосы воина развевались на ветру, доспехи гремели при каждом движении. Внезапно конь громко заржал и встал на дыбы, чуя мертвецов. Всадник осадил его уверенной рукой и спешился. Он медленно шел, наступая тяжелыми сапогами на догорающие обломки. Внезапно лунный свет озарил его лицо – молодое, красивое, но покрытое пылью бесчисленных дорог, только светлые глаза сверкают на темной коже. Он обвел искореженные, выжженные строения взглядом. Порыв ветра взвил его плащ, открывая широкий пояс с могучим мечом, лезвие сверкнуло в лунном свете.

Воин повернулся в сторону обгоревшей церкви и вздрогнул.

Возле догорающих обломков, на ветках дуба, раскачивались мертвые тела повешенных жителей деревни. Веревки жалобно стонали, вот-вот оборвутся под тяжестью своего страшного груза.

Мужчина упал на колени и закрыл лицо руками. Его большое, сильное тело сотрясало от рыданий. Он сгребал пальцами золу, ломая ногти и громко, надсадно стонал.

– Бог проклял меня за мои грехи! За то, что убивал с его именем на устах! Или бога нет? Нет его на этой грешной земле и на этой бездне над моей головой?

На рассвете, когда первые лучи солнца осветили выжженную землю, воин, наконец, поднялся с земли и снял тела несчастных с виселицы. Бережно складывая растерзанных мертвецов на траве, он всматривался в их лица, словно ища кого-то. Уложив тело матери, отца и братьев отдельно от других, он скорбно склонил голову, стараясь не смотреть на окровавленные одежды, на изувеченные побоями лица, на страшные синие следы от веревки. Солдаты

Максимилиана не пожалели никого, даже самых маленьких детей. Слез у воина не осталось, красивое лицо юноши осунулось, покрылось смертельной бледностью.

Через несколько часов на равнине за мертвой деревней виднелись холмики с ветками вереска. Напротив одного из них воин преклонил колени, воткнув меч в землю, в его глазах горела ненависть, а по щеке покатились одна единственная слеза, оставив за собой, светлую дорожку на грязной, покрытой пеплом коже.

– Я клянусь! Я клянусь самым дьяволом, что найду сестру на этом свете или на том. Даже если она мертва, я принесу ее останки и похороню рядом с вами. Проклятая земля, где брат убивает брата за золото. Где с именем бога на устах потрошат как скот женщин и детей. Больше я не служу ему! Я больше не его воин! Лучше продать душу самому Сатане!

И он продал, но намного позже, когда встретился со смертью лицом к лицу. Когда полз по усеянной трупами земле и думал не о себе, а о том, скольких людей Максимилиана он убил и сколько миль прошел в поисках своей младшей сестренки. Одиноким безумец, убивающий любого, кто носил доспехи солдата короля Максимилиана, которому присягнул на верность, и который приказал сжечь его родную деревню. Изгой среди своих, преследуемый законом и церковью. Мстислав не хотел умирать, пока не сдержал клятву, данную на могиле матери. Здесь, среди зловония разлагающихся тел, он думал, что знает, что такое ад. Он ошибался. Свой ад он увидел, когда над ним склонилась фигура в черных одеяниях. Тогда это показалось ему бредом умирающего, но он все еще был жив, и ледяное дыхание черного мрака окутало его. Содрогнувшись от ужаса, Мстислав пронзил страшное видение своим мечом и почувствовал, как сталь вошла в бесплотную материю.

– Мне еще рано в ад! – с истерическим хохотом прокричал воин, тщетно сражаясь с черной паутиной оплетающей его тело и медленно высасывающей из него жизнь.

– А ты не попадешь в ад, Изгой. Таких, как ты, даже там не ждут. Я пришел за твоей душой, которую ты обещал нашему Повелителю. Я пришел за тобой. Предатель, убивающий своих же друзей по оружию, дезертир, убийца. За твою голову назначена награда, и если не сдохнешь здесь, тебя все равно рано или

поздно четвертую за преступления перед вашим богом и людьми. Ты готов предстать перед тем, кого так звал в глубине своей черной души? Посмотри, они ждут тебя, чтобы поживиться твоей плотью.

Воин повернул голову и дернулся от ужаса – на него, как пауки, ползли непонятные существа с оскаленными ртами и горящими красными глазами. Один из них подобрался так близко, что Мстислав увидел, как сверкнули острые как бритва клыки. Еще миг и они вонзятся в его ногу. Мужчина резко махнул мечом, и голова чудовища тут же откатилась в сторону, но к ужасу воина она появилась снова, спустя мгновение.

Черная тень выпрямилась, махнула рукавом, и чудовища отползли назад. Мстислав увидел, как под капюшоном блеснули красным сполохом дьявольские глаза. Мужчине все еще казалось, что у него бред, предсмертная горячка. Рука уже потянулась осенить себя крестным знаменем, но перед глазами встало мертвое лицо матери, и пальцы сжались в кулак. Тень захохотала, и жуткий, скрипящий смех эхом прокатился по выжженной земле.

– Кто ты? – выкрикнул воин, – Кто ты такой, чтобы выносить мне приговор? Ты смерть? Так я тебя не боюсь.

Теперь жуткий смех зазвучал у него в голове. Мстислав вздрогнул и сжал сильнее меч окровавленными пальцами.

– Я не смерть, Изгой. У смерти много лиц. Каждый видит ее образ по-своему. Я лишь исполняю твою волю и воплощаю твои темные желания. Ты желал продать душу моему Повелителю, и я здесь. А смерть? Она намного ближе, чем ты думаешь. Ее не нужно искать, она ходит за тобой по пятам.

Мстислав с трудом поднялся на ноги и, шатаясь, вонзил меч в землю, чтобы опереться на него. Перед глазами стелилась красная пелена.

– Значит, ты не пришел меня убить?

– Нет. Ты и так умрешь. Через несколько часов истечешь кровью, и вороны склюют твоё мясо, а звери обглодают кости.

Мстислав криво усмехнулся и посмотрел на тень. Там, под черным плащом скрывалась пустота, только красные глаза поблескивали в сумраке, обжигая холодным сиянием. Дул пронизывающий осенний ветер, и темно-бордовые листья, кружась в воздухе, падали на окровавленную землю.

– Кто ты? И что ты хочешь мне предложить?

Темная фигура исчезла и вдруг появилась позади Мстислава, распространяя ледяной холод, настолько сильный, что у раненного даже пар пошел изо рта, а по телу пробежала дрожь.

– Я – Асмодей. Дух. Демон. Называй, как хочешь. Я вербую воинов тьмы. Рыцарей свиты нашего Повелителя. Исполнителей. Если ты согласишься служить ЕМУ, то станешь его личным палачом в мире бессмертных. Повелитель вынесет приговор, а ты приведешь в исполнение. Ты будешь наказывать тех, кто поправил наши законы. Взамен ты получишь бессмертие и власть. Разве ты не хочешь найти свою младшую сестру, Изгой? Я дам тебе несокрушимую силу. Я дам тебе все, о чем только мог мечтать смертный, и к чему стремится бессмертный – абсолютную власть.

Мстислав попытался схватить тень за полу плаща, но та резко исчезла и теперь появилась с другой стороны.

– Ну, так как, ты согласен, Мстислав? Или мне оставить тебя подыхать здесь от жажды и истекать кровью? А как же клятва, данная на могиле матери? Или ее ты тоже предашь?

Мстислав взмахнул мечом из последних сил и упал на землю, корчась от боли. Тень склонилась над ним.

– Соглашайся... Я подарю тебе новую жизнь, Изгой. Отныне ты будешь решать, кому и как умирать. Ты перестанешь бояться смерти. Отныне ты будешь знать, как она выглядит, ведь ты будешь видеть ее отражение в зеркале...

Я чувствовала, как мое тело плавно извивалось, напрягались мышцы, и приятная боль растекалась по натянутым, словно струны, венам. Руки взмывали в воздух, будто крылья птицы, а пальцы ног поджимались и скользили по паркетному полу. Спина изгибалась назад, перед глазами все плясало, крутилось как в хороводе. Внутри нарастало мощное чувство полета, эйфории, экстаза ни с чем несравнимой иллюзии невесомости. Со мной это происходило всегда, когда я танцевала. Мир переставал существовать, я уносилась вслед музыке, перевоплощалась, жила в теле образа, который передавала движением тела. Я даже забыла, как волновалась перед пробами, перед этим решающим для меня просмотром. В этом танце заключалась жизнь. Моя жизнь. Мое будущее, то, каким оно станет уже через несколько минут, когда стихнет музыка. В этот момент забывалось все: и постоянная боль в мышцах, и головокружение от нескончаемых тренировок, нечеловеческая усталость, в кровь стертые пуантами пальцы. Музыка нарастала как крещендо, она вибрировала вместе со мной, взрывалась в сознании на мелкие атомы и растекалась по телу горячей лавиной. Ничто не могло сравниться с танцем. Только в этот момент я жила по-настоящему. Моя Одетта умирала, роняя руки-крылья, вздрагивая с последними аккордами великой музыки. Она умерла, а я воскресла. Снова увидела мир своими глазами. Музыка стихла, и я поднялась с пола, чтобы увидеть свой приговор в глазах тех, кто эти несколько минут следил за каждым моим движением. Приемная комиссия как суд присяжных, если не хуже и не жестче. Я смотрела в их лица и не могла прочесть ровным счетом ничего. И вдруг увидела, что вдалеке, между последними рядами стоит мужчина. В зале царил сумрак, но, тем не менее, я заметила, что мужчина блондин, яркий блондин. Цвет волос удивительный, слишком светлый, чтобы быть натуральным, его волосы переливались как лунное серебро, черты лица плохо видны, но даже издали видно насколько они правильные. На миг наши взгляды встретились, и я вздрогнула, как от удара током. Мне показалось, что он заглянул мне в душу, притом так глубоко, что вывернул ее наизнанку. Сердце дрогнуло и замерло, как от страха. Или когда дух захватывает, если летишь вниз с высоты. Как он попал сюда? Кто он такой? Как его пропустили в залу во время вступительного экзамена?

– Спасибо, Грановская. Вы свободны. Следующая...

Я тут же перевела взгляд на Марию Ивановну, главного балетмейстера труппы, и словно очнулась ото сна. Снова бросила взгляд на незнакомца, но с удивлением увидела, что в зале кроме членов приемной комиссии больше никого нет. От

удивления я не могла пошевелиться с места.

– Вы слышали? Спасибо за выступление. Мы Вам перезвоним. Спасибо.

Марья Ивановна посмотрела на меня из-под очков колючим взглядом и с нескрываемой неприязнью. Я гордо вздернула подбородок и покинула сцену.

И все? Вот так просто? Никакой надежды. Если прошла – позвонят, если нет – даже утруждаться не станут. Мне было обидно. Так обидно, что на глазах выступили слезы. Я мечтала попасть в эту труппу, мечтала, чтобы меня приняли в театр. Я тренировалась днями и ночами, я репетировала, как безумная фанатичка, стирая пальцы в кровь, растягивая спину и корчась от болей. А мне вот так просто сказала: «Вы свободны»? Где справедливость в этом мире? Да, я далеко пробилась. Девочка-провинциалка, приехавшая в балетную школу-интернат из деревни. Старшая сестра в большой семье, где экономили каждую копейку, чтобы я могла учиться. И что теперь – безызвестная труппа Новикова? Кордебалет? Частные концерты VIP-персонам? Чего я добилась? Слезы навернулись на глаза, и я отошла к окну на лестничной площадке, распахнула его настежь и вдохнула полной грудью. Школу балета я окончила с отличием, теперь мне нужна была работа. Постоянная, в этой труппе, в театре. Самой лучшей в столице. По лестнице спустился известный хореограф, он был в комиссии несколько минут назад. Я его хорошо знала, он преподавал в нашей школе.

– Александр Игнатьевич, простите....

– А, Дианочка? А ты почему не уехала? Ответы будут через несколько дней.

Я сама от себя не ожидала такой отчаянной наглости, но схватила его за руку и прошептала:

– Скажите мне сейчас, пожалуйста. Я Вас умоляю, я могу надеяться?

Он тяжело вздохнул.

– Диана, ты, несомненно, талантлива, у тебя могло бы быть великое будущее, но...

Всегда это проклятое «но». Почему в моей жизни без этой приставки ничего не случается?

– Но без спонсора, покровителя туда тебе не пробиться. Я поставил тебе высокую оценку, а другие... Другие получили приличную сумму, чтобы в труппу попала другая девушка.

Он виновато потрепал меня по щеке.

– Не волнуйся. Такая красавица, как ты, не пропадет. Ты ведь у Новикова сейчас танцуешь, совсем неплохой коллектив. Концерты дают, платят хорошо. Что еще нужно? Сейчас многие в кордебалете. Не всем суждено становиться примами. Так что не горюй.

Он ушел, а я заревела от этой несправедливости. "Не горюй». Да я волосы готова на себе рвать. Я готовилась к этим пробам несколько месяцев. Я работала, как проклятая. Днем и ночью. Я отказывала себе во всем. Я даже не выступала с Новиковым – только репетиции. Как я мечтала, что мама с папой увидят меня по телевизору и будут гордиться, что воздадутся их старания, их вечная нищета и экономия каждой копейки ради моего будущего. В сумочке зазвонил сотовый, и я автоматически ответила.

– Диана? Ну как? Мы за тебя все кулаки держали, – это Денис, мой партнер у Новикова.

Я всхлипнула, и он все понял. Несколько секунд молчал, а потом сказал.

– Ну, ты понимаешь, что на это место конкурс большой, и пробиться очень сложно.

– Понимаю, – пропищала я, глотая слезы.

– Не плачь. У нас сегодня внеочередное выступление. Так что я даже рад, что ты к нам вернешься. Танцуем для Вышинского в его загородном доме. Там целый амфитеатр на улице, и заплатят нам прилично. Для меня ты – наша прима. Так что вытри слезы и дуй сюда. Мы как раз репетируем, твоя замена приболела.

Я шмыгнула носом и ответила, что скоро буду.

Вот и лопнули мечты, как мыльный пузырь. Я вернулась туда, откуда начинала. В никуда. Кордебалет – вот где мне место. Таким нищим оборванкам нечего метить в примы. Нет у меня богатого папика, нет спонсора и вообще никого нет. Вся моя жизнь балет. Я даже с мужчинами не встречалась. Никогда времени не было. Ночью сплю и танцую во сне, а утром продолжаю наяву. В перерывах кофе без сахара и любимые книги. Иногда родителям звоню, если деньги есть, чтобы счет в сотовом пополнить. С каждой зарплаты шлю половину домой. Там три братика, все еще в школе учатся. Пришло мое время высылать им деньги. Хватит родителям пахать для меня. Пришел и мой черед. Только как я скажу, что в театр меня не взяли? Как скажу, что все их мечты не сбылись, а годы тренировок потрачены впустую? Как?

Я открыла двери своей квартиры и швырнула сумку на пол. С горя хотелось съесть черного шоколада и выпить вина. Непозволительная роскошь для балерины. Шоколад я последний раз кушала на выпускном, и то парочку кубиков. А шампанское, его я даже не пробовала. Может и к лучшему все? Что я видела в этой жизни кроме станка и пуантов? У меня даже мужчины никогда не было. Пару поцелуев и тисканье с напарниками в школе не в счет. Мне сейчас двадцать один год, я девственница, я никогда не пробовала спиртное, не ходила на дискотеки, и вообще я выпала из жизни. Однокомнатная квартирка на окраине города с соседом алкоголиком, пустой холодильник, старый раскладной диван и кухонька два на два метра. В комнате на всю стену станок и зеркало. Даже телевизор и тот маленький, и ему лет больше, чем мне, наверное. Хозяин квартиры притащил как-то, сказал, что надо мне и новости иногда смотреть.

Я наскоро съела яйцо всмятку, запила несладким чаем и, прихватив сумочку с косметикой и тренировочным костюмом, выбежала из квартиры. Моя старенькая "Шкода Фелисия" стояла под домом и сиротливо поблескивала мокрыми стеклами.

Вышинский... Вышинский. Похоже, я о нем слышала, но кто это такой, вспомнить не могла. Да и черт с ним. Какая разница? Главное, нам хорошо заплатят. Я бросила взгляд на часы – опаздываю. Достала из сумочки сотовый и позвонила Денису, поглядывая по сторонам.

– Дэн. Это я. Ага, опаздываю. Куда ехать? Я сама доберусь. Поняла. Что за глушь такая. Хорошо. Через полчаса буду.

Странно. Никогда не слышала, чтобы такие известные люди жили на самой окраине города, где даже машины не ездят, не то, что общественный транспорт. Я точно знала, что там нет ни спального района, ни жилых секторов. Пожала плечами. Может недавно построили. Уже стемнело, и все реже мелькали дома, и попадались встречные автомобили. Нет. Решительно не помнила, чтобы здесь были постройки. Так, куда там нужно повернуть? Дэн сказал, что скоро должен быть указатель. Ага, вот и он. Совсем новый, будто недавно поставили, а дорога и вовсе непроходимая. Здесь на джипе надо ездить, слава богу, моя "Шкода" с высокой посадкой, а то бы застряла здесь в этой белой заснеженной пустыне. Ну и где здесь может быть дом Вышинского?

Словно в ответ на мои мысли я увидела, как дорога свернула влево, и тут же из-за деревьев передо мной возник шикарный особняк, словно из ниоткуда. Я увидела наш автобус и поняла – ребята уже приехали. Удивительно, что кроме нашего транспорта здесь больше не было ни одного автомобиля. А кто тогда будет на нас смотреть? Для кого мы выступать будем?

Я припарковала автомобиль неподалеку от дома и вышла из машины. Шел мелкий колючий дождь со снегом. Навстречу мне никто не вышел. Я толкнула массивную дверь и вошла в дом. Если снаружи он казался большим, то внутри он был просто огромен. Высокие потолки, как во дворце, темные стены, покрытые темно-серебристой краской, увешаны картинами. Под ногами мягкие ковры. Мебель вычурная, так же украшенная темно-серебристыми завитками, на потолках лепка и шикарные фрески со странным сюжетом, больше похожими на рисунки Валеджио.

– Добрый вечер, – от неожиданности я вскрикнула и обернулась. Позади меня стоял немолодой мужчина в строгом костюме.

– Вы танцовщица?

– Балерина, – поправила я.

– Зала для репетиций там. Спектакль начнется через сорок минут. Вы опоздали.

Он совершенно проигнорировал мое замечание. Совершенно бесстрастный, как робот. Я пошла в ту сторону, куда мне указал этот истукан, который не

потрудились даже представиться. Что за тишина? А где же гости? Зрители? Наконец я услышала знакомые аккорды, голоса ребят из труппы и воспряла духом. Толкнула дубовую дверь и тут же про все забыла. Увидела Дэна и девочек, усердно разогревающихся возле станка. Новикова, как ни странно, не было, Дэн заменял хореографа и выкрикивал замечания балеринам, заметил меня и махнул мне рукой.

– Грановская, у нас всего полчаса. Иди в гримерку и переоденься. Мы пока без тебя прорепетируем – ты свое соло хорошо знаешь и так.

Я быстро забежала в небольшое помещение с зеркалами и удобными креслами. Бросила сумочку на топчан, сбросила куртку. Переделалась с молниеносной быстротой. Всегда, когда надевала белую пачку и пуанты, мною овладевало знакомое чувство скорого полета. Где бы я ни выступала. Будь то актовый зал или театральная сцена, на которой мне посчастливилось побывать пару раз в жизни, или на таких спектаклях. Меня охватывала дрожь предвкушения. Я любила балет. Я им жила и дышала, сколько себя помнила. Я могла танцевать даже для себя, но танцевать. Жизнь без пуантов не имела смысла. Мама заметила это во мне еще в самые первые дни, когда отдала в кружок балета. Уже через месяц меня заметили и перевели в балетную школу, а еще через два года я переехала в интернат. Мне пророчили будущее, великое будущее, меня кормили ложными надеждами и родители, и мой хореограф – знаменитая Татьяна Васильева, а когда она умерла, вся моя уникальность исчезла под грузом реальности – в наше время талантливых мало кто замечает. Сейчас важно, чтобы у родителей было денег побольше, или чтобы девушку содержал и продвигал богатый спонсор. Я не могла похвастать ни тем, ни другим. Я смотрела в зеркало и привычными движениями наносила грим на глаза.

"Они должны быть яркими и выразительными, они должны отражать твою героиню. Ты должна стать ею, Диана. Перевоплотиться, перенестись в ее тело. Какой ты видишь Одетту? Твою любимую героиню? Какая она? В твоём представлении?"

В моем представлении – она жертва. Ее заменила более яркая и успешная соперница, суррогат, так похожий на нее, но, тем не менее, фальшивый. Только всем он пришелся гораздо больше по вкусу, чем оригинал. Так, как и в моей жизни. Зачем играть, когда реальность ни чем не лучше?

Я подвела губы и надела на голову своеобразную корону из перьев. В примерку зашел Денис. Он будет исполнять партию принца Зигфрида, как всегда. Мы годами выступали вместе с самого первого дня, как я пришла в труппу Новикова.

– Ты как?

Я улыбнулась ему через зеркало.

– Бывало и хуже. Я в порядке.

А слезы обиды снова навернулись на глаза.

– Вот скажи, почему некоторым достается все, не прилагая никаких усилий, а кто-то вкалывает, не покладая рук и не жалея сил, и всегда не у дел. Почему?

Денис подошел ко мне сзади и обнял за плечи.

– Потому что этот мир несправедлив. Ты слишком долго жила в своей реальности, и Татьяна Дмитриевна слишком обнадеживала тебя изо дня в день, поддерживая в тебе уверенность в том, что ты гениальна. Ее не стало, а ты, наконец-то, увидела мир таким, какой он есть на самом деле. Нам пора. Ты готова?

– Готова.

– Девочки уже танцуют вступление. Скоро твой выход. Незабываемое соло. Приободришься. Еще не все потеряно. Можно попробовать через год. Давай. Покажи им, что такое настоящая балерина. Дай им Одетту, дай им Одиллию.

Денис всегда умел меня поддержать, он был мне как старший брат, как истинный друг и товарищ. Самый настоящий. Может кому-то и казалось, что мы пара, но это было лишь мифом. Партнеров по танцу всегда подозревают в романтических отношениях. С Денисом нас связывали дружеские чувства. По одной простой и никому не известной причине. Ему не нравились женщины. Только я единственная, кто знал об этом. Я и его любовник. Остальные считали Дениса ярым бабником, повесой и покорителем женских сердец. Впрочем, последнее было правдой. Денис разбивал женские сердца одним лишь взглядом,

но отдавал свое только одному мужчине. Я старалась не задумываться об этой стороне его жизни, а он меня в нее не посвящал. Только один раз мы поговорили об этом несколько лет назад, и с тех пор эта тема была закрыта. Я не спрашивала, а он не рассказывал. Не то чтобы мне это претило или вызывало раздражение, но однозначно я не одобряла однополые связи, но разве я вправе кого-то осуждать?

Как только я выбежала на сцену, освещенную яркими софитами, то тут же с удивлением отметила, что небольшой зал наполнен до отказа. Когда только успели все приехать? В зале, по меньшей мере, человек двадцать. Аплодируют, улыбаются. Обыкновенная публика, хотя нет. Обыкновенной ее назвать нельзя. Все люди молоды и привлекательны. Даже странно. Обычно молодежь не тянет смотреть спектакли. Наша аудитория всегда на пару десятков лет старше. Не без молодежи, но по большей степени это взрослые люди, перешагнувшие за сорокалетний рубеж. Сегодняшняя же публика не старше тридцати.

После первых аккордов я слилась с музыкой, с танцем и как всегда забыла обо всем. Потом ко мне присоединился Денис. Я танцевала самозабвенно, скользя по залу как невесомая комета, извиваясь в руках умелого партнера, изображая истинную страсть всеми мускулами своего тела. Спектакль состоял из трех действий. После первого небольшой перерыв, а после второго антракт, но, как сообщил мне Денис, сегодня перерыв будет всего лишь десять минут, а антракт сократится до пятнадцати. Потом мы примем участие в банкете хозяина и отправимся по домам – заплатят наличкой на месте. Привычный сценарий в таких случаях. Только вот банкет в мои планы не входил, и я собиралась уехать сразу после спектакля.

Закончилось первое действие, нам бурно аплодировали, и я кланялась публике, все еще поражаясь, насколько молоды гости, да и сам хозяин. Как вдруг меня снова словно током поразило – среди гостей я увидела незнакомца с белыми волосами. От неожиданности и удивления я замерла и уставилась на него до неприличия пристально. Он не аплодировал. Просто стоял в стороне, сложив руки на груди, и смотрел на меня. Теперь я могла рассмотреть его получше. На вид мужчине лет двадцать пять. Самое удивительное в нем – волосы. Настолько светлые, что слепило глаза, и длинные, ниже плеч. Никогда не могла предположить, что с такой прической можно выглядеть настолько мужественно. И глаза. Я еще не видела такого цвета глаз. Они казались настолько прозрачными и светлыми, что я решила – это линзы. Какого они цвета, определить было довольно трудно. Скорее всего, светло-серые, как сталь. Таким

же был и его взгляд. Он снова прожигал меня насквозь. Его лицо привлекало своими грубыми, но вместе с тем правильными чертами. Нос с горбинкой. Щеки покрыты щетиной, чуть темноватой по сравнению с волосами. Его красота ослепляла, резала глаза и вместе с тем пугала. Мрачная красота, полная тайн. Его рост впечатлял, так же как и телосложение. Высокий, под два метра. Мужчина казался огромным, мощным, широкие плечи, массивная шея. Он походил на пантеру, словно под кожей струилась жидкая ртуть, и он готов к охоте. Волосы – это единственное светлое пятно во всей его внешности. Несмотря на то, что мы находились в помещении, на нем был надет длинный, черный кожаный плащ, расстегнутый спереди, а на руках надеты перчатки. Я снова посмотрела на его лицо, и в этот момент софиты осветили его настолько ярко, что мне захотелось зажмуриться. Но я не могла оторвать от него взгляд. Сердце дернулось в предчувствии чего-то неизведанного и мощного. В тот же момент я заметила, что правая сторона его лица изуродована шрамом, извивающимся зигзагом молнии. Шрам появлялся из-под волос на лбу, спускался к правому глазу, а потом к подбородку. По всем законам природы его глаз должен был пострадать, но, тем не менее, даже издали я видела, что со зрением у него все в порядке. Он смотрел на меня. Мне в глаза. Мне в душу.

Денис дернул меня за руку, и я, наконец, сумела оторваться от незнакомца.

– Что с тобой? Ты словно призрак увидела. Идем. У нас всего лишь десять минут. Хоть воды попить.

Я снова посмотрела в толпу, но, как и в прошлый раз, незнакомец исчез. Мы вернулись в гримерку. Девочки сидели в креслах, поправляли макияж, они весело щебетали, обсуждая гостей и хозяина дома, которого я до сих пор еще не видела. Я подошла к своему креслу и вздрогнула, на столике лежала красная роза. На белом дереве она казалась кровавым пятном. Я взяла цветок и поднесла к лицу. Не пахнет. Словно мертвая. Я потрогала лепестки, убеждаясь, что роза настоящая.

– Ух ты, Грановская, а у тебя тут скрытый поклонник, – усмехнулся Денис.

– Да я никого из них не знаю. Ты говорил, что мы едем к Вышинскому, если правильно помню, он видный политик, а тут одна молодежь.

– Насколько я понял – это особняк его сына. Так что самого Вышинского здесь нет.

Я кивнула, положила розу на столик. Снова подумала о незнакомце, и сердце тут же отозвалось легкой дрожью, а в животе затрепетали бабочки. Со мной такого раньше никогда не случалось.

Спектакль окончился. Нам аплодировали, даже поднесли цветы. Я искала глазами светловолосого мужчину, но так и не увидела его больше. Вот и все, наконец-то спектакль закончился. Я могу уехать, а все остальные пусть веселятся. Я слишком устала сегодня. Мы уже успели переодеться и ждали, когда с нами рассчитаются за выступление.

– Диана, ну останься хоть на пару часиков. Завтра выходной, некуда торопиться.

– Я не люблю эти вечеринки. Ты же знаешь.

– Как всегда будешь одна дома сидеть? Со своими книгами? Сколько можно прятаться от жизни?

Денис положил руки мне на плечи.

– Я знаю, что ты все еще расстроена после отказа, но ведь это не конец света. Давай, немного развеешься. Забудешься.

В этот момент в гримерную зашел молодой мужчина. Он осмотрел меня с ног до головы, довольно бесцеремонно.

– Эээ. Мы так не договаривались. Все остаются в качестве гостей.

Это, наверное, и есть хозяин дома. Сын Вышинского. Красивый, статный, немного бледный и в глазах сухой блеск. Холодный блеск.

– Все остаются кроме меня. Я немного устала.

Мужчина улыбнулся, хоть эта улыбка и обнажила красивые ровные зубы, мне он показался неприятным, даже мороз пробежал по коже.

– Когда я договаривался с вами, я говорил, что вы пробудете здесь до утра, и за это вам будет уплачено. Поэтому свои деньги вы получите только после банкета. Кстати, в честь моего дня рождения.

Он улыбался, но в его тоне сквозило раздражение.

– Поздравляю. К сожалению, я остаться не могу, но все остальные сделают это с превеликим удовольствием.

– Останутся все, – отрезал хозяин дома, и наши взгляды встретились. Я опять почувствовала, как в глубине души поднимается волна протеста и раздражения.

– Ну, пожалуйста, я обещал гостям. Вы – солистка, Ваше присутствие более важно, чем всех остальных. Здесь Ваши ярые поклонники, Вы же не хотите их разочаровать?

Он старался говорить помягче, гипнотизируя меня темными глазами и продолжая улыбаться.

– Не останетесь, Ваши друзья не смогут получить всю сумму денег. Ведь у нас договор по часам.

Вот и все. Он нашел мое слабое место, словно все это время прощупывал меня, ища на какую кнопку нажать. Конечно, я не могу подвести всех остальных и лишиться их положенного заработка. Во мне поднялась глухая ярость, но возразить я не смела. Чувствовала, как разговоры стихли, и все ждали моего ответа.

– Хорошо. Я останусь.

Хозяин дома снова улыбнулся.

– Чудесно. Мы ждем Вас в зале.

Когда он вышел, я смерила Дениса гневным взглядом. Это он договаривался с Вышинским. И он прекрасно знал, что мне придется остаться, только предпочел не говорить мне об этом заранее.

– Сволочь ты, Дэн.

– Да ладно. Ты мне спасибо скажешь. Отдыхай.

– Иди к черту, урод.

Он усмехнулся, попытался меня обнять, но я передернула плечами и послала его уже в грубой форме.

– Ну и дуйся. А я пошел развлекаться. Все на халяву. Может, познакомлюсь с кем-то.

Мне хотелось сказать ему гадость, но я сдержалась. Мне не нравился этот дом, меня бесил Вышинский, и я была зла на Дэна.

Чертов Дэн. Если бы я знала, что мы останемся на банкет, я бы и оделась иначе. Ну, вот как выйти к гостям в джинсах и свитере? Без нормальной прически и со сценическим гримом? Я вздохнула и посмотрела в зеркало. Нелепость. Я даже рассмеялась. Одета в джинсах. Весело и грустно, как и все в моей жизни. На лице глаза выделялись ярким пятном. Подведенные угольно-черным карандашом с накладными ресницами они больше походили на глаза куклы. Только у кукол глаза голубые, а у меня карие, с какими-то крапинками, так что с трудом можно определить их цвет, и волосы в мире блондинок явно подкачали – я брюнетка. Ладно бы жгучая, а так мои космы скорее темно-коричневые, а не черные. Никакой смуглости свойственной темноволосым. Моя кожа белая, как пергамент. Загорай не загорай, а я обгорю, облезу и снова буду белая. Ну и на кого я похожа? На бесформенного подростка. Худющая, мелкая, грудь разве что только название. Рост у меня с каблуками метр шестьдесят. А так как я каблуки не ношу, стопы и пальцы ног не позволяют – слишком вывернуты и искривлены от тренировок, так что росту во мне метр пятьдесят пять. Как остановился в шестнадцать лет, так и ни сантиметра не прибавилось. Иногда в некоторые заведения только с паспортом пускали. Теперь в этих джинсах, бесформенном свитере и с хвостом на макушке я похожа на пугало. Притом самое настоящее. У

меня и так глаза на пол физиономии, а с гримом они и вовсе как анимешные. Ну и черт с ними со всеми. Пойду, как есть. Через час все напьются, и всем станет все равно, как я выгляжу, тогда я быстренько смоюсь домой. Почему-то вспомнился незнакомец, и я впервые искренне пожалела, что не родилась высокой статной блондинкой с длинными ногами, большой грудью и голубыми или зелеными глазами. Глаза. Больное место. В детстве меня называли гномом и жабой. Я тяжело вздохнула, решительно завернула волосы в узел и вышла из гримерки. Музыка тяжелыми басами била по мозгам. Гости развлекались, и я видела, как веселятся девочки из труппы. Дэн куда-то пропал. Я осмотрелась по сторонам и заметила, что у стойки бара никого нет. Направилась туда и с трудом влезла на высокий стул. Ноги даже до перекладины не доставали. Бармен вопросительно на меня посмотрел.

– Что будет юная мадам?

Я усмехнулась. Что за пафос? Тоже мне "мадам", я и на "мадмуазель" с трудом потяну.

– Мадам будет, – я задумалась. Как же хотелось заказать шампанское или вино, но я все же заказала привычный апельсиновый сок.

– Бармен, налей мне "Бельведер", неразбавленный.

Я обернулась и поперхнулась от неожиданности соком. Передо мной стоял незнакомец. Вблизи он казался еще огромней. Несмотря на то, что я сидела на высоком стуле, он все равно был выше меня на две головы. Теперь я видела его совсем рядом, и мне стало тесно. Даже трудно дышать. Сердце билось так сильно, что ком в горле застрял. Теперь он уже не казался мне таким молодым. На вид лет тридцать пять. Скорее из-за тяжелого взгляда и очень мрачного выражения на красивом лице. Даже не мрачного, а угрожающего. ОПАСНОСТЬ. В каждой его черточке, в каждом движении. Опасность во всем. Человек не может быть настолько красив и в то же время ужасен. Впервые вижу, чтобы красота пугала, притягивала и отталкивала одновременно. Его жуткий шрам внушал ужас. Я даже представить себе не могла, чем можно было нанести такое увечье. Его словно порезали ножом с острыми зубьями, или подрало когтями невероятное чудовище. И все равно, несмотря на этот недостаток, он был невероятно... Да, черт возьми, сексуален. Я никогда раньше не понимала смысла этого определения, но сейчас ничего другого на ум не приходило. Под его взглядом по телу пробежала дрожь, низ живота сводило судорогой, а сердце

билось в горле. Теперь я видела цвет его глаз, и чем больше в них смотрела, тем больше понимала, что это не линзы. Да, у этого мужчины светло-сиреневые глаза, ближе к синему, но все же сиреневые и настолько светлые, словно в радужках расплавилась сталь. Я все еще не могла понять натуральный ли цвет волос у этого загадочного мужчины или это краска. С современными мужчинами никогда нельзя быть уверенной. Например, Дэн, красил волосы и даже ресницы. Но этот мужчина был мужчиной с большой буквы, и его ориентация не вызывала никаких сомнений. С ним рядом даже драная кошка почувствует себя женщиной.

– Можно мне еще сока? – выдавила я, обращаясь к бармену и не сводя глаз с незнакомца. Голос сел. Каждое слово давалось с трудом, когда он так на меня смотрел. Мужчина усмехнулся, но улыбка не затронула его глаз. Они жили своей жизнью и, несмотря на холодный перелив серого и сиреневого, они прожигали меня насквозь. И вдруг внутри, в подсознании прозвучал отчетливо мужской голос:

"Уходи отсюда. Просто встань и уйди. Прямо сейчас"

Я тряхнула головой.

– Вы что-то сказали?

– Кроме того, что заказал себе выпивку, ничего, – даже тембр его голоса заставлял вибрировать каждую клеточку моего тела.

– Я не могла видеть Вас раньше?

Вспомнился силуэт с белыми волосами во время просмотра в театре. Спросила и тут же пожалела об этом.

– Нет.

Отрезал он и повернулся к бармену. Как только я перестала чувствовать тяжесть его взгляда, то наконец-то вздохнула полной грудью, сползла со стула. Мне немедленно нужно умыться холодной водой.

Так мне и надо. На таких, как я, такие мужчины не смотрят. Для них я мышь серая или нет, гораздо хуже – для них я – пустое место. Я озиралась по сторонам в поисках заветной дамской комнаты, но как назло коридор не кончался, и я блуждала как Алиса в Стране Чудес. Все двери оказались запертыми. Кроме одной вдалеке, она была приоткрыта, и я видела внизу полоску света. Спрошу, где здесь туалет, не то заблужусь.

Потом, вспоминая, когда именно моя жизнь изменилась, и я перестала быть просто Дианой Грановской, я вновь и вновь видела перед глазами именно этот момент.

Когда я заглянула в дверной проем, то почувствовала, как к щекам прилила краска. Я увидела двух мужчин, и то как страстно они сжимали друг друга в объятиях, не оставляло сомнений в том, чем они сейчас занимались. Я узнала каштановые волосы Дэна. Руки его любовника скользили по голой коже, а лицо спряталось на плече моего напарника, тело которого содрогалось от экстаза. Любовник страстно целовал его в шею. Я уже хотела уйти, как вдруг заметила, что по спине Дэна стекает что-то темное, тонкой струйкой. Я присмотрелась, напрягая зрение. В комнате царил полумрак. Внезапно любовник Дениса приподнял голову, и я почувствовала, как от ужаса поднимается каждый волосок на моем теле. На меня смотрело чудовище. Ничего подобного я не видела никогда в жизни. От страха все мое тело свело судорогой, и я не смогла даже пошевелиться. Глаза монстра сверкали зеленым фосфором, рот оскален, и я видела окровавленные губы и клыки. Теперь по спине Дэна хлынула кровь, и я почувствовала ее солоноватый запах. Я медленно попятилась назад. В горле застрял крик. Но прежде чем я успела пошевелиться, монстр бросил Дэна как тряпичную куклу, тело соскользнуло на пол, и я увидела широко распахнутые, остекленевшие глаза моего партнера. В два прыжка убийца оказался возле меня. Я смотрела на него расширенными от ужаса глазами, а пошевелиться не могла. Теперь я уже видела, что передо мной не чудовище, а Вышинский. Его рот окровавлен, и по подбородку стекает алая жидкость. Кровь Дэна.

– Добро пожаловать в ад, Одетта, – и он захохотал. Я хотела бежать и не могла, его взгляд приковывал к месту. Он гипнотизировал меня, как удав маленького кролика.

"Не шевелись. Стой на месте"

Он управлял мною, моим телом. Я судорожно глотнула воздух, а Вышинский вдруг возник с другой стороны.

– И все же женщин я люблю больше. Особенно таких маленьких и нежных. Ты как диковинный цветок. Я заметил твой огонь еще несколько лет назад, когда впервые увидел. Полакомиться тобой стало моей тайной мечтой. Ты и есть мой подарок на день рождения. Спасибо твоему напарнику, который искренне считал, что я восхищаюсь его тщедушным тельцем. Хотя на ужин самое оно.

Он принялся ко мне, как зверь, и снова оскалился, увидев, как блеснули клыки, я зажмурилась. Я сплю. Это кошмар. Я сейчас открою глаза, и все это исчезнет. Господи, пусть все это будет сном. Вампиров не существует. Не существует. Я распахнула глаза и закричала от дикого ужаса. Вышинский приблизился ко мне и рассматривал меня как диковинную зверушку, он обнюхивал мое лицо, и его дьявольские глаза сверкали в темноте.

– Эй, – голос возник из ниоткуда, и монстр обернулся, я вместе с ним. В проеме двери стоял незнакомец с белыми волосами.

В тот же момент, словно в замедленной съемке, я увидела, как незнакомец поднял руку, завел за голову и достал из-за воротника плаща меч. Вышинский вскинул голову и встретился взглядом с незванным гостем. Я скорее прочла по губам, чем услышала: "Изгой". Меч с тонким сверкающим лезвием взметнулся вверх, резкий взмах, и голова хозяина дома слетела с плеч, на меня брызнула темная липкая жидкость, прежде чем я поняла, что кричу, мужчина закрыл мне рот рукой. Его глаза полыхали, как и у хозяина дома несколько секунд назад, только у этого они были красными. По его щеке бежала слеза. Одинокая, кровавая слеза. Это было жутко и прекрасно одновременно.

Я в ужасе дергалась в его руках. Но сражаться с ним, словно пытаться сдвинуть с места скалу. Он выкован из железа, плоть не бывает настолько твердой, если она живая. Я тряслась от ужаса, меня тошнило, я чувствовала приторный запах крови. На моих глазах только что убили человека. Просто отрезали голову, как свинье на бойне. Я все еще хотела верить, что Вышинский был человеком

– Ни слова, ни звука, – процедил незнакомец, он отнял руку от моего рта, и я расширенными от дикого страха глазами посмотрела на убийцу.

– Вы...убили его, – прохрипела я, в ушах бешено бился пульс. От ужаса все мое тело свело судорогой.

Ледяные глаза царапнули меня презрением.

Я вырвалась каким-то чудом из его рук и бросилась бежать, оглядываясь назад и видя, что он меня не преследует. Я рыдала от страха и первобытного желания спрятаться, скрыться от кошмара. Вбежала в залу и заорала как ненормальная. На полу лежали мои девочки, мои подруги. Все они были мертвы. Их глаза смотрели в потолок на жуткие фрески, они раскинули руки, как умирающие лебеди из нашего балета. На полу растекалась кровь. Она подбиралась к носкам моих туфель. Я бросилась обратно в коридор, лихорадочно вспоминая, где же здесь дверь. В этот момент что-то мелькнуло надо мной и приземлилось совсем рядом. На меня надвигались несколько фигур. Я не видела их лиц, только горящие глаза.

На ум пришло, что нужно начать молиться и притом немедленно. Эти твари сейчас растерзают меня, как и всех моих друзей. Я, похоже, последняя, кто остался в этом проклятом доме в живых.

– Отче наш...сущий на небесах...Господи!

В тот же момент я увидела, как взметнулась еще одна тень, и между мной и монстрами возник чей-то силуэт. Я услышала свист рассекаемого сталью воздуха и крики. Воспользовавшись моментом, опять бросилась бежать, спотыкаясь и падая, пытаюсь найти выход из этого лабиринта. Наконец-то я выбралась на улицу и бросилась по снегу к своей машине. Пальцы заледенели, и я вспомнила, что сумочка с ключами осталась в проклятом доме.

– О, господи...Что же это такое?

Я лихорадочно осмотрелась по сторонам и увидела камни, украшающие подъездную дорожку. Схватив один из них, я разбила стекло в машине и открыла дверцу. И что теперь? Я все равно не смогу завестись.

Услышав резкий звук удара сверху, я вскрикнула и подняла голову. На крыше моей машины стоял еще один монстр. Он смотрел на меня. А потом прыгнул и повалил меня в снег. От удара у меня закружилась голова, я задыхалась под

тяжестью его тела. Перед глазами было жуткое лицо вампира. Я застыла, понимая, что теперь меня уже ничто не спасет. Меня сожрут, как и всех моих друзей. Это конец. В тот же миг голова монстра отделилась от тела и упала назад. Над ним возвышался все тот же незнакомец. Его белые волосы развевались на ветру, а глаза полыхали красным пламенем. Теперь он убьет и меня. Я истошно закричала, сбросила с себя мертвое тело. Ползком попятилась назад и, вскочив на ноги, побежала к дороге. Я молилась. Как в детстве. Как меня учила мама. Сжимая маленький крестик на груди, я, спотыкаясь, мчалась сквозь заросли и кусты. Позади послышался треск, и я обернулась, увидела, что проклятый дом полыхает в огне. В тот же момент подвернула ногу и упала, наверное, я ударилась головой, потому что в глазах потемнело, и я провалилась в черную бездну.

Глава 2

Грубые черные сапоги оставляли следы на белом покрывале снега, тут же исчезая под хрустальным слоем снежинок. Черный плащ Изгоя развевался на ветру, как и его белоснежные волосы. Наемник остановился возле бесчувственной девушки. На бесстрастном лице ни единой эмоции. Он возвышался над хрупким силуэтом черной скалой, как призрак.

{ "Смертные не имеют права знать о существовании нашего мира. Хоть ты и не прикасаешься к ним, в силу своего предназначения, но ты не вправе оставлять свидетелей. Таков закон для всех бессмертных, и на тебя он тоже распространяется. Любой человек, проникнувший в нашу Тайну, должен умереть. Если остальные бессмертные имеют право обратиться, то тебе оно не дано. Ты не можешь создавать себе подобных. Потому что ты - НИКТО" }

Голос Асмодея прозвучал так отчетливо, словно эти слова были сказаны не несколько сотен лет назад, а сейчас. Изгой не шевелился, он смотрел на девушку.

Потом резко вынул меч из ножен и занес над ней, целясь в самое сердце, замер, рука дрогнула, впервые за долгие пятьсот лет, и вернула стальной клинок обратно. Изгой снял плащ. Он наклонился и подхватил смертную на руки,

выпрямился, посмотрел на свою ношу, на бледное личико, на ресницы, припорошенные снегом. Смотрел долго, слегка прищурившись. Он знал, что она живая. Слышал биение ее сердца, чувствовал ее дыхание и запах. Удивительный ни с чем несравнимый запах смертной женщины. Изгой знал, что скоро здесь появятся ищейки Братства, и если он не смог уничтожить свидетеля, те дважды думать не будут. Удерживая Диану одной рукой, другой прикрыл ее плащом и исчез в темноте.

Предраассветная тишина – самая глухая за все время суток. Замирает все живое. Или перед тем, чтобы проснуться с первыми солнечными лучами, или для того, чтобы уснуть до самых сумерек. В этом районе города сумерки были вечными. Для тех, кто ютился в старых домах, в полуразрушенных квартирах с протекающей крышей, разбитыми лестницами, выломанными дверьми подъездов. Здесь жили те, для кого не имело значения, наступит ли утро вообще. Или те, кто не мог себе позволить жить в другом месте в силу обстоятельств и материальных возможностей. Район наркоманов, проституток и других отбросов цивилизованного общества.

Дворник Федот вышел на улицу, поднимая повыше воротник старого тулупа. В руках неизменная метла и тачка для сбора мусора и пустых бутылок, если только сможет их найти в этом гиблом месте, в котором их могли успеть собрать еще до него. Федот поправил шапку рукой в толстой рукавице, хлебнул самогона из баклажки. Занюхал рукавом и крикнул от удовольствия, чувствуя, как обжигающая жидкость разлилась по венам. Он осмотрел пустой двор, глянул на покосившийся фонарь и взялся за метлу обеими руками. В этот момент мимо него прошел мужчина. Дворник вздрогнул от неожиданности. Он мог поклясться, что пару секунд назад двор был совершенно пустой. Мужчину он узнал. Да и как не узнать этого призрака, который вечно появляется из ниоткуда и исчезает в никуда? А его белые волосы? Не иначе – альбинос или поседел. Хотя на седину не похоже – молодой еще. Парень появился в их доме несколько месяцев назад. Квартиру. Хотя...квартирой эту халупу назвать трудно. Так вот Федот ее ему и сдал. А что? Денег лишних не бывает, а ему и в своей камерке неплохо. Там топчан, обогреватель и радио. А что ему старому еще нужно? Жилец платит исправно. Правда, деньги только за сутки. Не на месяц вперед, ни даже на неделю, а только суточными. И в руки не отдает. Каждое утро Федот находит конверт с купюрами у себя за дверью. Как этот белокрысы умудряется проникнуть в запертое на замок помещение – загадка. Федот жильца побаивался. Нутром чуял опасность и старался не сталкиваться с парнем. Что-то

жуткое было в этом странном человеке с уродливым шрамом и в неизменном черном плаще. Федот почему-то не сомневался, что того, кто нанес парню это увечье, уже нет в живых. Взгляд прожигает серной кислотой, и каждый волосок на теле поднимается от ужаса. Сердце начинает отплясывать танец страха, когда тот находится рядом. А Федот знал, что такое бояться, не понаслышке.

Зато с появлением нового жильца на районе потише стало.

Вот и сейчас, появился как привидение, нес кого-то на руках. Такой нелюдь и убить может – глазом не моргнет. Дворник посмотрел вслед удаляющейся черной фигуре и снова приложился к самогону. Впервые жилец вернулся не один. Интересно, кого этот дьявол притащил в свое логово? Зайти в квартиру белобрысого Федот не решался. Один раз попробовал, так чуть не поседел от страха. Мало, что даже после того, как дворник отпер дверь ключом, та все равно не открылась, так еще и этот проклятый сзади появился и что-то холодное к горлу приставил, а потом тихо, но зловеще сказал:

– По-моему я достаточно тебе плачу, чтобы ты не совал нос, куда не следует. Еще раз здесь увижу...

Федот решил не испытывать судьбу и больше не хотел выяснять, что будет, если жилец снова увидит его возле дверей своей квартиры. Дворник перекрестился и принялся мести двор. Какое ему дело, кого там притащил этот антихрист. Меньше знаешь – лучше спишь.

Изгой открыл обшарпанную дверь, и за ней оказалась еще одна – железная с кодом на замке. Уже через минуту наемник занес девушку в квартиру с очень низкими потолками. Голова Изгоя почти упиралась в него макушкой. Несмотря на скудную мебель и явно нуждающиеся в ремонте стены, внутри было чисто, словно и не ступала сюда нога человека. В квартире всего две комнаты – одна меньше другой. В зале маленькое узкое окошко, диван и старый телевизор, а так же шкаф, стол и стул. Во второй комнате кровать, которую, похоже, ни разу не использовали по назначению. Изгой внес девушку в спальню и положил на стеганое покрывало. Он раздумывал несколько секунд, потом приподнял ее, поправил подушку и укрыл плащом. Наемник вышел из спальни и остановился посреди комнаты. Застыл на несколько минут. Вернулся обратно и подошел к девушке. Он смотрел на нее, не моргая и не шевелясь. Заметил, что при каждом

выдохе из приоткрытого рта вырывается пар. Снова вышел в залу и подошел к окну, отодвинул занавеску. Дворник подметал улицы. Иногда старик потирал руки, сняв рукавицы, и из его рта тоже вырывались клубы пара. Изгой думал ровно секунду, через две он уже стоял позади дворника. Старик вскрикнул, когда увидел его.

– В доме холодно, – сказал Изгой, глядя Федоту прямо в глаза.

– Купите обогреватель или разведите костер, – усмехнулся Федот и снова взялся за метлу. Наемник сунул руку в карман и достал пачку купюр, не пересчитывая, ткнул в руки дворника.

– Достань, – и добавил, – Сейчас достань.

Через несколько минут Федот принес свой старый обогреватель и поставил к ногам Изгоя.

– Это все, что есть. Сейчас пять часов утра, новый можно купить только в девять. Когда магазины откроются.

Изгой поднял одной рукой тяжелый радиатор, который Федот с трудом дотащил, волоча по земле, и спросил:

– Как этим пользоваться?

Федот хотел было усмехнуться, он думал, что странный жилец пошутил. Но холодные сиреневые глаза оставались совершенно серьезными.

– В розетку воткнули, и сам работает.

Изгой смотрел на Федота ровно несколько мгновений.

– Идем, покажешь.

Дворник поставил обогреватель и показал Изгою, как его включать. На самом деле он удивился, что за все это время в квартире ничего не было тронуту. Осматривал помещение, и мурашки пробежали по коже, когда понял, что здесь

даже свет все это время не включали. Выключатель покрылся пылью. Холод, как на улице. Но ведь жилец кого-то принес в дом. Видно, для этого "кого-то" потребовался обогреватель.

- Свободен.

Изгой указал дворнику на дверь, а сам выключил обогреватель из розетки и понес в спальню. Федот переминался с ноги на ногу. Его одолевало любопытство. Кто там, в соседней комнате? Он сделал, было, шаг в сторону спальни и чуть не вскрикнул, когда Изгой появился на пороге.

- Уходи.

- Ладно. Если что нужно, я у себя. Помощь или еще чего, - пробубнил Федот, переминаясь с ноги на ногу.

Изгой проигнорировал последнюю фразу старика и проследил, пока тот не исчез за дверью. Странные эти создания - люди. Он не помнил, когда в последний раз разговаривал с ними. Да и вообще, когда произносил хоть слово. С бессмертными слова не нужны - Изгой мог копаться у них в мозгах и разговаривать с ними мысленно. Все из-за этого хрупкого существа. Изгой вернулся в спальню и включил обогреватель. Губы девушки посинели от холода. Придвинув радиатор поближе к постели, Изгой повернул регулятор на всю мощность и через несколько минут почувствовал, как нагревается воздух. Ему самому было все равно. Он не чувствовал ни жары, ни холода. Наемник сел в кресло и вытянул ноги в сапогах. Он снова разглядывал свою гостью. Сегодня ночью он нарушил один из самых важных законов бессмертных - он не уничтожил свидетеля. Более того, Палач вошел в контакт с людьми и привел человека в свое убежище. За это его могут покарать. Если узнают. Изгой сам не понимал, почему не смог убить эту смертную. Рука не поднялась.

Впервые он увидел эту девушку случайно вчера вечером. У него было задание на уничтожение, очередной заказ Повелителя. Сторож-вампиры из клана Гиен, работающий в театре, убивал задержавшихся посетителей. Ищейки Братства не вышли на его след. Когда такое происходит, наступает время Изгоя. Он приходит, чтобы наказать. Как только Палач ступает на землю, с этого момента Братство не имеет права мешать ему вершить правосудие. Для Изгоя не существовало времени. Он мог преодолевать расстояния в веках. Его могли

послать и в прошлое, и в настоящее, и в будущее. Законы нарушались во все времена. Он выполнял задание и исчезал. Когда он увидел эту танцующую девушку, он на несколько минут отвлекся от своей миссии, впервые заметил кого-то кроме объекта, подлежащего уничтожению. Она танцевала так, что он не мог отвести от нее глаз. Никто и никогда не мог разговаривать движениями тела, а она могла. Когда ее хрупкое тело изгибалось, а руки взлетали и опадали как крылья, он чувствовал, как им овладевает волнение и восхищение. Изгиб ее шеи, поворот головы, стройные ноги, скользящие, словно не касаясь пола, заморозили его. Среди всех сердец, бьющихся в зале, он слышал только ее сердце. Оно отбивало ровный ритм, удар за ударом. Оно ликовало, пело, стучало в такт музыке.

Изгой выполнил задание, но, спустя несколько минут, уже получил другое.

Увидев ее там, среди соборща вампиров, которые нарушали закон несколько веков подряд, он впервые почувствовал досаду. Изгой знал, что через несколько часов здесь начнется кровавое месиво, и, скорее всего, это существо погибнет вместе с другими смертными, и в его сердце впервые всколыхнулось странное чувство, не поддающееся определению. Он понял, что никогда больше не увидит, как она танцует.

Изгой снова посмотрел на девушку. Губы порозовели, на щеках появился румянец. Ее кожа казалась настолько нежной и прозрачной, словно сливки с молоком. Наемник подошел к кровати и присел на корточки возле той, которую спас от смерти. Впервые он кого-то спас. Не забрал, а подарил жизнь. Ощущения необычные, и они ему нравились. Аромат ее дыхания вызвал непонятный трепет, он принюхался и почувствовал, как по телу растекается странное тепло. Изгой нахмурился, увидев ссадину на лбу. Бархатные ресницы девушки слегка подрагивали, бросая тень. Пряди шелковых волос выбились из прически и падали ей на глаза. Изгой протянул руку и осторожно убрал локон. Случайно коснувшись теплой кожи, он вздрогнул. Он не прикасался к женщине с тех пор, как стал карателем Асмодея. С тех пор, как перестал быть человеком. Женщины... Когда-то они были в его жизни, только лица стерлись и воспоминания тоже. Он помнил, что тогда они дарили ему наслаждение. Сейчас он не знал, что это такое. Истинное наслаждение приходило, когда он выполнял задание, и сила убиенного врага вливалась в тело Изгоя, наполняя его дикой энергией. Это его награда за выполненное задание. Это похлеще плотского удовольствия. Все остальное не имело значения. Наемник не знал естественного мужского влечения с тех пор, как стал тем, кто несет смерть. Изгой не

испытывал эмоций. Они исчезли, когда он закопал свою растерзанную семью и не выполнил клятву, данную на могиле матери – он не нашел Анну ни среди живых, ни среди мертвых. Анна... Когда он в последний раз вспоминал о ней? Изгой закрыл глаза и, как наяву, увидел светловолосую девочку. Она бежала к нему, раскинув руки. Ее сиреневые глаза светились любовью. Да, в той жизни его любили. Забытое чувство. Но он помнил – любовь – это боль. Любить опасно. Хотя теперь ему нечего бояться, он свободен от подобных чувств.

– Мстислав, миленький! Мама, Мстислав вернулся!

Раздался стон, и Изгой вздрогнул. Девушка пошевелилась, открыла глаза и, увидев его, вскочила, и забилась в угол постели. Ее глаза расширились от ужаса, но она не закричала. Впервые он видел такие странные глаза у людей. Они кристально чистые, и в них нет лжи. Какой интересный цвет – медовый или золотистый. А волосы, они похожи на испанский мох, темно-коричневый шелк, тонкий и вместе с тем удивительный. От нее восхитительно пахнет. Изгой еще не определил, что ему напоминает этот запах, но он его волновал. Ноздри трепетали, когда он улавливал этот тонкий аромат женского тела. Он не помнил, что когда-либо чувствовал нечто подобное. Нет. Он вообще не помнил, чтобы чувствовал хоть что-то за последние пятьсот лет.

Девушка привстала и слезла с кровати, она смотрела на него и пятилась к двери. Изгой наблюдал за ней с интересом. Наивная девчонка думает, что сможет сбежать. Она не понимает, что для того, чтобы убить ее, ему достаточно просто слегка сдавить ее лебединую шею или приказать ей мысленно перерезать себе горло. Как только девушка тронула ручку двери, он оказался возле нее и, подняв за талию, снова вернул в кровать. Когда прикоснулся к ней, по телу пробежала странная дрожь, а под пальцами, привычными убивать, появились обжигающие искры. Девушка оттолкнула его. Он поддался и теперь ждал, что она будет делать дальше. Упрямая девчонка резко вскочила с постели, стремглав бросилась к двери еще раз, он снова настиг ее и вернул на прежнее место. Они смотрели друг на друга, и Изгой чувствовал, что странное существо его забавляет. Не раздражает, как другие люди, а забавляет и еще вызывает необычное чувство, не поддающееся определению, но, несомненно, приятное. Ему нравилось, как она пахнет, и нравилось слышать биение ее сердца. Как ни странно, несмотря на страх, она все еще пыталась бороться. Она снова вскочила с постели, бросилась к окну и распахнула его настежь, склонилась вниз и, увидев, что они находятся на пятом этаже, отпрянула, и

повернулась к нему. Ее глаза сверкнули гневом. Он усмехнулся – существо умеет злиться.

– Кто ты? И что тебе от меня нужно? Ты хочешь меня убить? Почему ты молчишь? Ты немой?

– Нет, – ответил Изгой и снова сел в кресло.

– "Нет" означает, что ты не хочешь меня убить или означает, что ты не немой?

– И то, и другое.

– Тогда отпусти меня, – попросила она.

– Нет.

– Почему? Зачем я тебе? Ты маньяк? Ты будешь удерживать меня в плену? Насиловать? Издеваться? Меня будут искать, так и знай.

Его бровь удивленно поползла вверх:

– Насиловать и издеваться? Зачем?

Девушка посмотрела на него, слегка склонив голову вбок.

– Не знаю. Может ты ненормальный. Ты ведь убил всех в том доме. Если ты думаешь, что я кому-то расскажу, то ты ошибаешься. Я обо всем забуду, как только уйду отсюда. Так что лучше отпусти меня.

– Если я захочу, ты и так все забудешь.

Ее глаза расширились, и он снова удивился насколько они выразительные и глубокие.

– Кто ты? – спросила девушка тихо.

- Никто. Как у вас говорят: "Меньше знаешь – лучше спишь"

- У нас? У кого – у нас?

- У людей, – ответил он совершенно спокойно.

- А ты не человек? – девушка побледнела, а Изгой усмехнулся.

- Нет. Я не человек.

Она замолчала на какое-то время, глядя ему в лицо. Он слышал, как участилось биение ее сердца, а кровь быстрее побежала по венам. Боится.

- Тогда кто ты? Вампир?

- Можно и так сказать.

Сердце забило еще быстрее, Изгой почувствовал всплеск адреналина у нее в крови.

- Я не питаюсь кровью людей, – сказал он и откинулся на спинку кресла. Оказывается, разговаривать со смертными довольно забавно. Не со всеми. Только с ней. Ему нравился ее голос, не писклявый, но и не грубый. Красивый голос. Он не раздражал.

- Тогда чем ты питаешься? – спросила девушка.

- Кровью вампиров. Хотя кровь людей тоже может утолить мой голод, но мне она не нравится на вкус.

Изгой склонил голову на бок, ожидая ее реакции.

- Как тебя зовут?

- Изгой.

Она усмехнулась, и ему стало странно, что она может улыбаться, когда ее сердце зашло от страха.

- Это не имя, это кличка. У тебя ведь есть имя? Меня, например, зовут Диана.

- Мне не интересно, как тебя зовут. Для тебя я - Изгой. Все. Эта тема закрыта.

Диана села на постели и обхватила колени тонкими руками.

- Почему ты не хочешь меня отпустить, Изгой?

- Потому что тебя больше нет.

Ответил он и увидел, как она снова побледнела. Вот теперь ей не просто страшно, теперь она близка к обмороку, биение ее сердца замедлилось, а дыхание задержалось на мгновение.

Глава 3

Я смотрела на него и чувствовала, как от этих слов кровь стынет в жилах. Постепенно я начинала понимать, что он имеет в виду: мы должны были умереть. Все. В том проклятом доме. Не должно было остаться и следа. Те чудовища...Он ведь убил их всех. Кто он? Что делал там? Зачем он спас меня и притащил сюда? Я его игрушка? Пленница? Он вообще думает меня отпустить? Когда-нибудь? Сколько вопросов и не одного ответа. Я почему-то не сомневалась, что он опасен. Нет, не просто опасен, а опасен во всех смыслах этого слова.

С того самого момента, как я пришла в себя, меня не покидало чувство, что теперь моя жизнь изменилась. По-прежнему никогда не будет. Я понимала, что знаю то, чего человеку знать нельзя. Вопрос в том, что Изгой будет с этим делать. Изгой...

Но ведь когда-то у него было имя. Ведь он был человеком. Или нет? Как все происходит на самом деле у вампиров? На самом деле? Это бред сумасшедшего. Но я видела своими глазами. Видела, как Денису перегрыз горло ипил его кровь Вышинский. Господи, у меня голова болит от всех этих мыслей. Может быть, я сошла с ума или сплю?

Я ущипнула себя за руку и прикусила губу от боли. Нет. Я не сплю, и этот странный тип сидит напротив меня в кресле и по-прежнему сверлит меня своими фиолетовыми глазами.

– Зачем я тебе нужна?

Он хмыкнул и пожал плечами:

– Мне ты не только не нужна, но еще и будешь мешать.

Значит, он меня убьет рано или поздно. Тогда почему бы не сейчас? Может, разозлить его, и пусть отрубит мне голову своим мечом. Это быстро и не больно. Я вспомнила, как он ловко обезглавил тех монстров. Он знал, как их убивать. Он действовал как машина, как робот. Но Изгой меня спас, и с этим не поспоришь. Вопрос – зачем?

– Если бы я хотел тебя убить – я бы сделал это еще ночью, – сказал Изгой, словно прочел мои мысли, и встал с кресла. Он открыл шкафчик, достал странную глиняную бутылку, отхлебнул из горлышка и поставил ее обратно. Я наблюдала за его движениями и не могла не поразиться его грации. Изгой, казалось, выплавлен из жидкого железа. Под обтягивающим черным свитером из тонкой шерсти перекатывались рельефные мышцы. Несмотря на то, что его нельзя было назвать огромным или здоровяком, его тело казалось мощным и очень упругим, как у хищника. Ни капли жира. Очень широкие плечи, узкая талия и бедра, сильная шея и большие руки. Пальцы красивые, длинные. Вспомнила эти пальцы на рукоятке меча и вздрогнула. Пальцы убийцы. Хладнокровного и безжалостного. На левой руке блеснуло кольцо из белого металла. Сейчас его белые волосы собраны в хвост на затылке, и я поняла, что это настоящий цвет. Обычно у крашенных блондинов видны отросшие темные корни. У него же цвет ровный и за ушами, и на затылке. Ведь в природе нет такого оттенка. Разве что, у альбиносов. Но у последних и черты лица соответствующие, и кожа белая, а у этого смуглая, темная, отчего контраст с волосами казался настолько ярким. На

седину тоже не похоже. Странно, но я не испытывала паники. Хотя должна была биться в истерике. Я думала о том, что сбегу от него при первом же удобном случае. Пока что я рассматривала его одежду – она казалась современной, но если присмотреться, я так и не смогла понять торговой марки его джинсов и свитера, хотя, несомненно, ткань дорогая и пошив аккуратный. Но одежда странная. Сейчас такую не носили. Чего стоят его сапоги на массивной подошве с железными пряжками и высоким голенищем. Штаны заправлены в обувь. Он был похож на металлиста. Солиста рок-группы.

– Тогда зачем я тебе? Ты не собираешься меня убивать, но, тем не менее, я тебе не нужна. Для чего ты меня спас?

– Мне понравилось, как ты танцуешь. Ты слишком много болтаешь. Может, я убью тебя потом, если станешь мешать или разговаривать без умолку. Пока что останешься здесь. Я так решил.

Я поняла, что он не шутит. Да и такие, как он, вряд ли умеют шутить вообще. Он убийца и не скрывает этого. Мне не нравился его тон и то, как он говорил со мной. Явно свысока и с чувством собственного превосходства. Во мне постепенно закипала злость.

– Значит, я теперь твоя добыча? Трофей?

– Можно и так сказать. Хотя ты можешь выбирать. Например, смерть. Как ты думаешь, лучше умереть?

Его глаза сверкнули и тут же погасли. У меня в горле пересохло. Мне захотелось пить. Что у него там во фляге?

– Я пить хочу и есть, – сказала я и посмотрела на глиняную флягу, облизала пересохшие губы. Изгой, казалось, удивился:

– Есть и пить?

– Да. Люди едят, пьют и ходят в туалет. А еще люди принимают душ, и, если у тебя есть ванна или хотя бы душевая, я бы хотела туда попасть.

Теперь он смотрел на меня с удивлением. Я его озадачила. Изгой встал с кресла и вышел куда-то. Потом вернулся с кувшином и с задумчивым видом поставил его на стол. Вода в кувшине замерзла.

- Пить и есть..., - произнес он, словно разговаривая сам с собой.

Тем временем я взяла кувшин в руки и поднесла к радиатору. Если немного подержу над огнем, скоро растает. В животе громко заурчало.

- Что это было? - спросил Изгой и вопросительно на меня посмотрел. Это могло бы быть смешно, если бы не было настолько дико. Мною снова начала овладевать паника.

- Это мой желудок. Я не ела со вчерашнего утра. Я голодна.

Изгой усмехнулся.

- Я могу не есть и не пить довольно долго. Например, вчерашнего ужина мне хватит на полторы недели. Совсем забыл, что вы питаетесь несколько раз в день и пьете воду. Где вы достаете еду? - спросил на полном серьезе.

- В супермаркете или на базаре.

- В супермаркете?

- В магазине. А еще мне нужна зубная паста, расческа и ... - вдруг меня осенило, - Если ты съездишь ко мне домой или позволишь мне...

- Нет! - сказано не громко, но настолько отчетливо и властно, что переспрашивать уже не хотелось.

- Тогда ты сам можешь забрать мои вещи. Это будет экономно и быстро. И вообще, мне с моими вещами удобней. Мне бы переодеться, и там мой шампунь, расческа, духи...

Я осеклась на полуслове, видя, как Изгой постукивает пальцами по подлокотнику кресла. Мне вдруг стало страшно. Сейчас он решит, что со мной

слишком много хлопот и...

– Перебьешься едой и водой, – отрезал он и поднял плащ с пола, – Я скоро вернусь.

Мой мозг лихорадочно заработал. Если Изгой уйдет, я смогу сбежать. Главное, чтобы он ушел. Я придумаю, как мне отсюда выбраться. Например, вылезу в окно и буду кричать "помогите". Сердце радостно забилося.

Он усмехнулся, и по моему телу прошел холодок. Нехорошо усмехнулся, мне не понравилось.

– Никаких фокусов, ясно? Я очень скоро вернусь. Не зли меня. Поверь, ты не хочешь увидеть, каким я могу быть на самом деле. Я предупредил.

Как только за ним захлопнулась дверь, я глубоко вздохнула полной грудью. Как же тесно рядом с Изгоем, он заполнял собой все вокруг. Ушел, и стало просторно и свободно. Я выждала несколько минут, а потом бросилась к окну, отодвинула шторку – во дворе пусто, словно все вымерло. Я смотрела, как искрится снег на солнце. Еще вчера я была просто Дианой Грановской, мечтающей получить роль в театре, а сегодня меня нет, я умерла в том проклятом доме. Мои родители, мои братья, как они переживут известие о моей смерти, как вообще будут жить дальше без моей помощи? Кто позаботится о них? Я должна сбежать. Господи, пусть все это окажется чьей-то шуткой, розыгрышем, кошмаром. Я хочу проснуться, я хочу снова жить как раньше.

Вдруг я увидела, как по дороге медленно едет полицейская машина. Мигалки выключены, словно выискивают кого-то. Я решила, что это знак свыше. Во дворе тихо, меня должны услышать, если я буду кричать. А я буду, изо всех сил, потому что другого такого шанса у меня может не быть. Я распахнула окно, подалась вперед, и в тот же миг мой рот грубо зажала чья-то рука. Я замычала от ужаса, задергалась, но меня уже стиснули как тиски железные руки Изгоя, я услышала его низкий голос над самым ухом:

– Даже не думай об этом. Ни слова. Ни звука.

От отчаянья мне захотелось взвыть, и я укусила его за ладонь, укусила настолько сильно, что почувствовала, как лопнула плоть под зубами, и во рту

появился солоноватый привкус крови. Его крови. Я думала, что сейчас он закричит, оттолкнет меня или вышвырнет из окна, но он даже не шелохнулся и руку не отнял. Только прижал ладонь сильнее, а другой рукой стиснул меня так, что я не могла вздохнуть. Перед глазами плясали круги, я пыталась сделать вдох, но Изгой сжимал меня настолько крепко, что у меня не получалось. Он ломает мне ребра. Еще один нажим, и я услышу хруст своих костей. Мне стало страшно, впервые я испытывала такой первобытный ужас, потому что именно сейчас поняла, насколько беспомощна в его руках. Для него – я веточка, былинка. Ему не нужен меч, чтобы убить меня, ему достаточно чуть сильнее нажать мне на ребра, и я сломаюсь. Но Изгой не шевелился, просто держал. Когда полицейская машина уехала, он отнял руку от моего рта и, схватив меня за шиворот, отшвырнул в кресло. Метко, как мячик. Я приземлилась на пятую точку, и от полета дух захватило. Теперь я, наконец-то, вдохнула, заболели ребра, а воздух обжег легкие кислородом. Я дышала жадно, на глазах выступили слезы.

– Ты...ты чуть...не убил ...меня, – прохрипела я и прижала руку к ушибам чуть ниже груди. Там наверняка остались синяки.

– Даже и в мыслях не было. Они убили бы тебя быстрее, – Изгой смотрел на меня, чуть прищурившись, с холодным блеском в глазах. Он злился. Наверное, злился. На его лице не отразилось никаких эмоций. Я его боялась, но к страху примешивалось странное и едкое влечение. Настолько сильное и неуправляемое, что я с трудом могла бороться с собственными эмоциями. Я в отчаянье закричала:

– Это была полиция, если ты не заметил. Ах, – застонала, чувствуя, как сильно болят кости после его хватки, – Они бы спасли меня, а тебя арестовали.

Внезапно он расхохотался. Громко, оскорбительно, мне даже захотелось зажать уши руками. На губах все еще оставался привкус его крови. Я прокусила ему кожу, а он даже не почувствовал боли. О господи, я схожу с ума.

– Арестовали? Глупое сознание. Это ищейки, и если они здесь, то не все поверили, что ты умерла. Ты знаешь, зачем они приехали? Они искали тебя. Искали свидетеля, которого я не убрал. Меня они не посмеют тронуть.

– Ты сумасшедший! – закричала я, – Какие к черту ищейки?

– Ищейки братства. Странно, что они так быстро вышли на тебя и меня. Я думал, что хорошо замел следы.

– Откуда ты знаешь, кто это? – истерически закричала я.

– Я чувствую их запах. Вампиры пахнут иначе.

Он был спокоен, а меня трясло, я погрузилась в панику. Он просто маньяк. Он ненормальный псих-одиночка, а я его жертва. Все очень просто – я в лапах психопата.

– Это полиция, просто полиция, а тебе нужна помощь врача. Ты не в себе.

Изгой усмехнулся. Он смотрел на меня, как на взбалмошного ребенка или полную дуру.

– Ты просто чокнутый, который возомнил себя вампиром или кем там еще, а на самом деле ты болен, и тебе нужна помощь специалиста.

Изгой подошел ко мне и вдруг протянул мне левую руку, в которую я впилась зубами:

– Если я болен, то где тогда следы от укусов? Кстати, тебе понравился вкус моей крови?

Я посмотрела на его руку – следов нет, а ведь я точно помнила, что прокусила кожу. Теперь мне казалось, что с ума схожу именно я, а не он. Ребра болели так сильно, что я с трудом могла пошевелиться, попыталась привстать и охнула, а из глаз невольно покатались слезы. Изгой в недоумении смотрел на меня, а потом протянул руку и тронул слезу на моей щеке, поднес пальцы к лицу, принюхался, лизнул.

– Ты плачешь, – скорее не вопрос, а констатация фактов, – Почему?

Он издевается? Он мне ребра чуть не сломал. Хотела послать его подальше, но он вдруг резко сел на корточки возле меня и заглянул мне в лицо.

– Люди плачут, когда им больно, – сказал он.

– Да! Люди плачут, когда им больно! Мне больно, понятно? Я пошевелиться не могу.

– Где больно? – спросил Изгой в недоумении, – Не помню, чтобы тебя ранили.

– Ты...только что сдавил меня как куклу, а я живая, и мне было больно. Черт.

Я приложила ладонь к ушибленному месту и вскрикнула. Изгой протянул руку и вдруг задрал мою кофточку вверх. От стыда краска бросилась мне в лицо. Да что он себе позволяет? Я хотела одернуть ткань, но он перехватил мою руку. Его пальцы сомкнулись на моем запястье, и по коже пробежали искорки тока. Даже дух захватило, я замерла. Ко мне прикасались десятки мужских рук – партнеры по танцам, хореографы, балетмейстеры, но ни одно прикосновение не вызывало во мне такого мучительного чувства томления. Он осматривал мои синяки, словно изучая. Я напряглась под взглядом холодных сиреневых глаз. На секунду пожалела, что на мне не кокетливый кружевной бюстгальтер, а топ телесного цвета, который удобно одевать под сценический костюм. Хуже всего, что я, опустив взгляд, заметила, как напряглись соски под тоненькой материей. Не от холода, а от того, что на меня смотрел он. Поразительная реакция тела, непонятная и пугающая. Впрочем, рядом с ним я познала все грани страха. Изгой тронул синяк кончиками пальцев, и я вздрогнула, не от боли, а от того, что мне необъяснимо захотелось, чтобы его ладонь поднялась выше. Я покраснела и выдернула руку.

– Хватит пялиться, – проворчала я, боясь, что он заметит мое волнение, а еще хуже поймет, чем оно вызвано.

– Какие вы, люди, хрупкие, я и не собирался причинить тебе боль.

Изгой небрежно опустил мою кофточку вниз и встал с колен. Он рассматривал синяки или мою грудь? С сожалением поняла, что ни то, ни другое не заинтересовало его ни в коей мере.

– Пройдет, – сказал он и подошел к окну, задернул шторы.

- Лед дай, может, и пройдет.

Я поняла, что ни жалости, ни извинений от него не дождусь.

- Лед?

- Да, дай мне, черт возьми, лед.

- По-моему нужно сказать «спасибо» и «пожалуйста». Спасибо за то, что дважды спас тебе жизнь, и пожалуйста, чтобы принес то, что ты просишь.

Мне захотелось плюнуть ему в лицо. Учит меня вежливости. Он покалечил меня, он удерживает меня силой в этой квартире и хочет, чтобы я сказала ему «спасибо»?

- Спасибо, что не убил сам. Пожалуйста, дай лед, - процедила я сквозь зубы.

Иронии он не понял, ушел на кухню и через секунду пришел с пустыми руками:

- Льда нет. Зачем тебе?

- Если приложить к синякам - меньше болеть будет. Думаю, мази от синяков и обезболивающего у тебя точно нет.

- Одевайся.

Я не поняла.

- Зачем?

- Со мной пойдешь.

- Куда?

- За едой. Ты же есть хотела.

– Никуда я с тобой не пойду. Мне холодно, у меня болит все тело, и я тебе не доверяю.

Напрасно я перечила этому психопату, он схватил меня за руку и резко поднял с кресла. От неожиданности и боли в ребрах я вскрикнула. Изгой нахмурился.

Через несколько минут я сидела в том же кресле, связанная шнурками от занавесок, с кляпом во рту.

– Я скоро вернусь, – «утешил» он и скрылся за дверью. Можно подумать, меня это волновало. Пусть исчезнет и растворится, пусть вообще никогда не приходит обратно. Но уже через полчаса я думала иначе. Связанная, в этом диком месте, в этой жуткой квартире, с кляпом во рту. Никто меня не найдет, я умру от голода и жажды. Если Изгой меня здесь бросит, моя смерть будет ужасней, чем от клыков его собратьев, если они и в самом деле существуют, а не приснились мне в жутком кошмаре.

Словно в ответ на мои слова послышался звон стекла, и осколки от разбитого окна посыпались на пол. От дикого ужаса мои глаза расширились, но я не могла даже пошевелиться. В комнату проник мужчина. Я встrepенулась, обрадовалась – сейчас он меня развяжет. Меня нашли. Слава богу. Прошла минута, а мужчина просто смотрел на меня, потом огляделся по сторонам, словно прислушиваясь. Я замычала, но он не обращал на меня внимания. Прошелся по комнатам и снова вернулся в залу. В его руке блеснул нож. Сейчас он разрежет веревки и... Один прыжок и мужчина склонился надо мной. Я радостно закивала головой, но в этот момент заметила, как сверкнули красным фосфором его глаза. Он взмахнул рукой с ножом, и я с ужасом поняла, что сейчас он убьет меня. В тот же момент, словно в замедленной съемке, я увидела, как кто-то взвился в прыжке позади убийцы и повалил мужчину на пол. Завязалась борьба. Я следила за молниеносно двигающимися фигурами, и тело немело от ужаса. Мужчины не просто дрались. Они летали по комнате, швыряя друг друга о стены, разрывая клыками и когтями одежду и плоть. Белые волосы Изгоя я узнала сразу, и хоть он двигался, как пантера в молниеносных прыжках, я не могла не заметить, что он превосходит противника. Точнее, я вдруг поняла, что Изгой играет с ним как кошка с мышкой, а тот пытается избежать смертоносных ударов. Противники не произнесли ни звука, но я почему-то не сомневалась, что они общаются между собой иным способом. Я уже не понимала, кто убийца, а кто жертва. Противник Изгоя истекал кровью, двигался назад, отступая к окну в надежде сбежать. Внезапно Изгой сделал резкий выпад, и я увидела в его руке нечто темно

бордовое, по рукаву его свитера стекала кровь... Если бы не кляп, я бы заорала, но от ужаса все мое тело сковало, как от холода. Я не могла даже пошевелиться. Только смотрела расширенными от ужаса глазами. Он вырвал сердце противника голыми руками. Безжизненное тело того, кто всего минуту назад пытался лишиться меня жизни, рухнуло на пол с жуткой раной в груди. А потом случилось невероятное – Изгой распахнул шторы, и дневной свет осветил комнату, тело убитого зашипело, задымилось и на глазах превратилось в горстку пепла, как и сердце в руках моего похитителя. Лицо Изгоя изменилось – глаза полыхали, кожа посерела и покрылась сеточкой темных вен. Страшное лицо монстра, изуродованное шрамом, в жутких глазах – триумф. Его взгляд застыл, тело подрагивало, как от невероятного удовольствия. Внезапно он повернулся ко мне и усмехнулся, я зажмурилась, чтобы не видеть его страшное лицо.

То, что теперь Изгой находится очень близко, я скорее угадала, чем увидела или услышала, ведь он двигался бесшумно, как призрак. Я не смела открыть глаза, не то потеряю сознание от страха. Изгой не психопат, он и в самом деле не человек, как и тот, кто пришел меня убить. Я погружалась в пучину безумия, меня трясло, подбрасывало. Я наконец-то осознала, что меня и в самом деле окружают монстры. И самый страшный из них тот, чьей пленницей я являюсь. Я почувствовала, как веревки ослабли, и он вытащил кляп из моего рта.

– Одевайся, – услышала я его голос, – Мы уходим отсюда. Они нашли тебя.

Я открыла глаза и увидела его слишком близко, по телу пробежал холодок. В этот миг мне показалось – я смотрю на собственную смерть, и самое жуткое, что более ослепительно красивого лица я никогда не видела раньше. От его дикой, необузданной и грубой красоты великолепного хищника захватывало дух. Если смерть настолько прекрасна, то почему мне тогда так страшно? Я больше не сомневалась в том, кто передо мной – самое темное порождение зла. Изгой не просто вампир, он нечто более ужасное, и он решил, что я буду жить. Сегодня. А завтра? Что ждет меня завтра? Моя жизнь гроша ломанного не стоит без него, а рядом с ним? Кто из них страшнее: те, кто охотятся на меня или тот, кто держит меня в плену, как добычу? Ответа на этот вопрос у меня не было, точнее, я с ужасом понимала, что возможно Изгой гораздо опасней, чем ищейки.

Изгой смотрел, как девушка лихорадочно натягивает на себя куртку, как дрожат ее руки, и думал о том, что ему нужно немедленно от нее избавиться. Ему ничего не стоит выбросить ее из окна. И все. Можно идти дальше. В этом времени его уже ничего не держало. Задание он выполнил и может уйти на покой, пока снова не получит заказ.

Несмотря на то, что Изгой понимал, насколько ему сейчас не нужны проблемы со смертной, он все же не мог ее отпустить. Словно все внутри него этому противилось. Это как подарить кому-то нечто драгоценное и особенное, важное для него. Глупое создание попыталось сбежать. От Изгоя бессмертные не могли скрыться, не то что просто девчонка. Он увидел по ее глазам, насколько она жаждет сбежать, и не сомневался, что как только переступит за порог – пленница выкинет какой-нибудь фокус. Только уйти он не успел, почувствовал ищеек. Эта дурочка думала, что ей помогут. Помогут, только не уйти от Палача, а умереть.

На секунду, когда сжимал ее руками, Изгой понял, что сожмет еще сильнее, и она уже никогда не вздохнет, и не смог. Снова не смог. Ему не нравились собственные чувства к этой девчонке, он, словно, терял свою силу рядом с ней. И чем больше понимал, насколько она хрупкая, тем сильнее становилось внутреннее сопротивление. От злости отшвырнул ее, как котенка. Злость? Как давно он испытывал гнев? Вообще, как давно он испытывал хоть что-то? Собственные эмоции ему не нравились, пугали.

Ее слезы. Они вызвали чувство горечи. Изгой помнил, что люди плачут от боли. Он причинил ей боль. Невольно. Не рассчитал силу. Ведь раньше, если его руки к кому-то прикасались, то только ради того, чтобы убить – быстро, молниеносно и безболезненно. Он Палач, но не инквизитор. Диана первая за все пятьсот лет, кого он не смог убить. Эта девушка сбивала его с толку, заставляла испытывать чувства, которые он поклялся забыть, и до сих пор это ему чудесно удавалось.

Когда поднял ее кофточку и увидел багровые синяки на коже, внутри что-то шевельнулось, что-то похожее на жалость. Неприятное чувство, давно забытое и не нужное Палачу. А потом поднял глаза выше, и отвести взгляд уже не смог. В горле тут же пересохло. Тело отреагировало еще до того, как он успел понять, что вызвало такую бешеную волну возбуждения. Под тоненькой тканью четко

прорисовалась ее грудь. Небольшая, округлая, сочная. Изгой заметил, как ее соски сжались в тугие комочки, и низ его живота обдало жаром.

Мучительное чувство, приятное и болезненное одновременно. В паху заныло, член затвердел от сильнейшей и неожиданной эрекции. Бурная реакция собственного тела озадачила. Подобное последний раз он испытывал еще в теле человека. Это было давно. Он даже не помнил с кем и когда. Перед глазами промелькнули обжигающие образы: извивающееся голое тело под ним и ощущение власти, первобытной естественной власти над женщиной, когда владеешь ею безраздельно, когда погружаешься в горячее лоно на всю глубину. Когда слышишь не стоны предсмертной агонии, а крики наслаждения. Вонзаешься в податливое, горячее тело резкими толчками, а потом...Потом приходит ни с чем несравнимая разрядка. От яркости картинки он вздрогнул и почувствовал, насколько налился его член, и мучительно захотелось все это испытать немедленно. Сейчас. С ней. На миг ему показалось, что он чувствует, как участилось ее дыхание и пульс, даже запахла пленница по-другому. Сладкий запах, особенный. Его ноздри затрепетали, приносясь. Да, он вспомнил этот аромат. Только в его воспоминаниях он не был столь сочным, мускусным и обжигающим легкие и горло. От неожиданности Изгой отпрянул от девушки. Он испытывал дискомфорт, физический, настолько явно, что это даже причиняло боль. Ему казалось, что сейчас его разорвет на части. К ней нельзя прикасаться. Он должен от нее избавиться. Нет, не убить, потому что не сможет. Найти способ вернуть в мир людей и забыть о ней. Общение с этим существом может быть для него опасным. Она пробуждает странные желания, слишком яркие, слишком навязчивые. Восставший член до сих пор причинял неудобства. Отвлекал. Пульсировал. Раздражал. Изгой привык умирять свои физические потребности, привык справляться с болью и голодом. Голод! Да! Вот, что он чувствует сейчас – первобытный голод, настолько мощный, что силой воли с ним не справиться. И это не желание утолить жажду, это желание испытать то, что уже давно не испытывал – ворваться в женское тело, не клыками и когтями, а плотью, и чтобы при этом жертва не корчилась в агонии, а дарила ему крики удовольствия. Изгой тряхнул головой и сжал руки в кулаки, непроизвольно стиснул челюсти. В нем закипал гнев. На себя. Почему не позволил ищейке выполнить свою работу? Ответ ему не нравился – потому что не хотел, чтобы она умерла. Потому что ему нравится ее запах, потому что ему нравится ее голос и потому что он не желает, чтобы кто-то смел к ней прикасаться даже для того, чтобы убить. Она его добыча. Он будет решать – жить ей или умереть. Он, и никто другой.

Диана выпила воды из кувшина, потом налила в ладонь и умыла заплаканное лицо.

Она шла рядом, и Изгой слышал, как стучит ее сердце. Внезапно он вспомнил, что купил ей "хот-дог" и бутылку минеральной воды. Никогда раньше Изгой не приближался к людям настолько близко, как сегодня. Не то чтобы ему не понравилось, но и восторга он тоже не испытал. Слишком много запахов, шума, сердцебиений. Словно попал в муравейник. Люди обращали на него внимание. В большей мере на их лицах отражался страх или неприязнь, или болезненный интерес. Как он выглядит в их глазах? Они чувствуют зверя? Они чувствуют запах смерти? Или он отталкивает их внешне? Изгой никогда не задумывался над тем, как выглядит в чьих-то глазах, точнее, выражение дикого ужаса и предсмертной агонии на лицах бессмертных – вот, к чему он привык. Но каким его видят смертные? Ведь они не знают о его сущности? Почему они отводят взгляд и отворачиваются? Изгой посмотрел на свое отражение в стеклянных дверях магазина и тронул рукой шрам. Вот, что их отталкивает. Люди привыкли видеть внешнюю оболочку. Наверное, в их глазах – он урод и чудовище.

Старый шрам. Изгой не готов сейчас вспоминать, откуда он взялся, но с тех пор, как он появился, в зеркало смотреть стало невыносимо. Девчонка тоже считает его внешность ужасной? Она его боится? Плевать. Пусть боится. Это самое естественное чувство, которое он привык вызывать.

В городе у Изгоя имелось несколько пристанищ, именно на случай, если придется резко сменить место проживания. Он всегда заботился о том, чтобы у него было свое укрытие на все случаи жизни. Это заранее выбранные места, нелюдные, чаще всего не пригодные для жизни. Точнее, для людей. Изгою же было наплевать. Ему нужно было убежище, где он может подумать, сменить одежду, почистить оружие. Отсутствие удобств и элементарного комфорта для него не имели значения.

Изгой привез Диану на окраину города в очередной злачный район на такси. Будь он один, то расстояние преодолел бы в считанные секунды. Всю дорогу девушка молчала. После нападения ищейки она словно потухла. Изгой посматривал на нее иногда украдкой – бледная, растрепанная, но темные глаза горят. Упрямая. Не ломается. Иногда морщится от боли в ребрах, но не жалуется

и не хнычет. Правда, сбежать не пытается. Поняла, что с ним все же безопасней. Или боится его?

Изгой поднялся по лестнице, пропустив Диану вперед, не хотел терять ее из поля зрения.

Он всегда снимал квартиру на последних этажах, уйти по крыше через окно гораздо проще. Отпер дверь и пропустил Диану внутрь. В нос пахло сыростью и плесенью. Здесь он не бывал с прошлого задания. То есть несколько лет. В отличие от других точек, за эту было уплачено вперед. Девушка остановилась на пороге, не решаясь войти. Изгой подтолкнул ее вперед и закрыл дверь. Эта квартира, пожалуй, самая приличная из всех, что он снимал. По крайней мере, Изгою так казалось. В отличие от его последнего пристанища здесь был зал просторней, спальня почище и, как там она сказала – душевая с ванной. Изгой предпочитал водоемы. Не мог засунуть свое большое тело в узкое корыто. Он любил свободу. Не понимал, зачем все эти ухищрения, которыми пользовались в этом времени. Ему вообще было оно чуждо, гораздо удобней было находиться в среднем средневековье или в восемнадцатом, девятнадцатом веке.

– Там еще одна комната, – Изгой показал на дверь возле окна. Девушка ничего не ответила, он подошел к двери спальни и распахнул ее настежь.

– Располагайся, здесь намного просторней, чем там.

Диана переступила порог, осматривая комнату, сбросила куртку, и Изгой снова подумал о том, какая она худенькая и хрупкая. В душе что-то едва уловимо шевельнулось и исчезло. Он закрыл дверь и, вернувшись в залу, лег на диван.

Если ищейки нашли их, значит, они знают о том, что есть живой свидетель, но теперь они также знают, что рядом с девчонкой Палач. Сунуться не посмеют. Значит, Диана теперь в безопасности. Пока она рядом с ним. Изгой никогда не думал о будущем и том, что будет завтра, ведь для него нет будущего, прошлого, есть только настоящее, вопрос – в каком веке. Палачи – единственные из вампиров, кто мог преодолевать расстояние временем.

Внезапно он насторожился, услышав странные звуки, прислушался – из спальни доносились сдавленные рыдания. Давно он не слышал этих звуков. Он приподнялся, ощущая непонятное волнение. Молниеносно оказался возле двери

и распахнул без стука. Девчонка сидела на кровати, обхватив острые колени руками и спрятав лицо. Хрупкие плечи вздрагивали. Внутри шевельнулось непонятное и пугающее чувство, он не понимал, что именно испытывает, но сердце стучало иначе, чем минуту назад. Изгой постоял на пороге несколько секунд и вдруг неожиданно для себя сказал:

- Здесь есть душевая.

Девушка подняла на него огромные карие глаза, полные боли и страха:

- Они меня убьют, да? Когда найдут?

Изгой смутился, впервые кто-то боялся не его самого. Смертная девчонка плачет на его кровати, а он чувствует себя полным идиотом. Ощущения не из приятных. Но они есть.

- Пока ты со мной - не убьют, не посмеют, - сказал он и уже хотел было уйти, но девушка вдруг встала с кровати:

- Изгой!

Он обернулся:

- А ты...ты не убьешь меня?

Изгой усмехнулся и посмотрел ей в глаза. Забавная. Интересная и очень-очень хрупкая, как цветок.

- Не знаю, - честно ответил он и отвел взгляд в сторону. В тот же миг почувствовал, как запекли ладони, и стиснул челюсти, рухнул на колени. Руки горели пламенем. Он растопырил пальцы и посмотрел, как дымится плоть, и горящие буквы появляются на коже, выжигая ее до мяса. Диана закричала и отшатнулась от него в сторону. Но Изгой сейчас ее не видел, он скривился от невыносимой боли, уже привычной, но всегда такой нежданной. Скоро это пройдет, боль стихнет, и останутся буквы, а потом и они исчезнут. Как не вовремя. Девчонку нельзя оставлять одну. Руки непроизвольно дрожали от напряжения, и вдруг он почувствовал прикосновение, открыл глаза, и боль

отошла на второй план – Диана сидела рядом с ним на коленях, перехватив его запястья.

– Я могу чем-то помочь? – тихо спросила она, и Изгой почувствовал, что в сердце что-то защемило, дернулось. Как давно он не слышал ничего подобного. Слишком давно. Его никогда и никто не жалел. В который раз посмотрел ей в глаза и убедился, что она говорит искренне, сердце дернулось снова, и он разозлился, отбросил ее руки

– Да, можешь – просто отойди, – грубо ответил он и молниеносно поднялся с колен.

Непростой заказ и очень не вовремя, Изгой думал, что у него будет передышка в несколько дней, а то и месяцев, но Повелитель дал знак, и отказать нельзя, таков закон.

Мужчина вернулся в залу, достал из кожаного чехла меч, посмотрел на лезвие, блестит, переливается, как и пятьсот лет назад, когда взял его в руки впервые. Особый металл – из преисподней. Гнется, но не ломается, не требует чистки и не притупляется, такой же бессмертный, как и его хозяин. У всех Палачей такие мечи. У всех тринадцати воинов Сатаны.

Изгой скорее почувствовал, чем услышал, что его пленница стоит сзади.

– Я уйду. Когда вернусь – не знаю. Мне тебя снова связать, или дождешься меня? Не пытайся сбежать – найду. Если через сутки меня не будет, можешь убираться. Желательно, как можно дальше. Без меня тебя уничтожат.

Изгой посмотрел на Диану.

– Слышала, что я сказал?

Она кивнула, на лице снова страх.

– А ты можешь не вернуться?

– Конечно. Я всегда могу не вернуться.

- Потому что я тебе мешаю?

- Нет, потому что тот, кого мне поручили убить, может оказаться сильнее меня.

Изгой нарочно произнес это мрачным голосом и увидел, как она вздрогнула.

- Ты наемник?

- Верно, - он вложил меч в ножны и повесил за спину, накинул плащ. На девушку уже не смотрел, в голове начал складываться план действий.

- Ты убиваешь людей?

Спросила тихо, но голос не дрогнул, как раньше.

- Иногда, чаще всего вампиров, оборотней, демонов, ведьм. Всех, кто нарушает Темные законы. Хотя тебе не понять.

- Значит, ты не злодей.

Он расхохотался. Так весело ему уже давно не было. Точнее, никогда с тех пор, как взял в руки меч и заложил душу Асмодею.

- Я Палач! Я привожу приговор в исполнение. Я хуже, чем злодей, девочка. Я - смерть.

Посмотрел, ожидая реакции. Она лишь нахмурила ровные бровки, но глаз не отвела:

- Но ведь ты не убиваешь невинных, ты не убиваешь людей.

Он снова засмеялся.

- Я забираю их души, так мне платят за выполненное задание, я пью их кровь, я устраиваю на них охоту. Да, это не люди, но если смертные попадают мне под

руку, я просто стираю их с лица земли, как давят букашку, не замечая и не испытывая никакой жалости. Так что не обольщайся, я худшая из всех тварей, которых ты можешь себе представить.

Изгой в мгновение оказался возле двери и вдруг обернулся, достал из кармана плаща пакет с "хот-догом".

- На, поешь.

Бросил девушке, и та на лету поймала.

- Молодец, будь хорошей девочкой.

И исчез. Он не видел, как Диана положила бутерброд на стол и села в кресло, снова обхватила колени руками.

Глава 5

Изгой вошел в полутемное помещение ночного клуба и обвел глазами беснующуюся толпу. Характерный антураж этого заведения бросался в глаза. В последнее время вечеринки готов набирали все большую популярность. Но этот клуб явно из дорогих и декорации, и освещение, и музыка, все соответствует тематике вечеринки. Жесткая селекция на входе. Изгой усмехнулся – его наряд всегда подходил к подобным вечеринкам. Черный кожаный плащ, длинные белые волосы, сверкающие глаза. Его приняли за своего. Палач снова всмотрелся в толпу и принял. Кроме него здесь, по меньшей мере, еще пять бессмертных. Вампиры. Клан Гиен. Тот, кого он должен уничтожить сегодня, еще не здесь. Сегодня должно обойтись без кровавой бойни – хозяин велел убрать жертву не в самом клубе, а выманить из заведения. Изгой подошел к стойке бара и заказал выпивку. Он специально напугал глупую девчонку – это задание одно из самых легких. Всего лишь устранить наркодилера, торгующего "красной пылью". Ничего особенного. Изгой пригубил из бокала и повернулся лицом к залу. На столах извивались полуголые девицы в черной кожаной одежде, толпа окончательно осатанела и скандировала вместе с певцом

отвратительную и безвкусную песню. Ничего не изменилось с веками – шлюхи торгуют телом, сутенеры спуют поблизости, молодежь упивается спиртным. Внезапно Изгой насторожился, почувствовал едкий запах угрозы. Не прошло и нескольких секунд, как на барную стойку облокотился мужчина в таком же плаще, как у Изгоя, темнокожий, стриженный налысо. На его руке блеснуло платиновое кольцо. Еще один Палач. Такое почти никогда не случалось. Они не встречались. Хоть и знали друг друга в лицо. Тринадцать воинов Апокалипсиса. Никто из них не пересекался с другими. Лишь в двух случаях они могли встретиться. Первый – Палача сняли с задания и заменили другим, или же на него самого открыт заказ. Зрачки Изгоя сузились и превратились в невидимые точки. Внутренне он был готов к бою.

"Расслабься. Я не за тобой"

В голове отчетливо прозвучал голос Хищника.

"Тогда, чем обязан?"

"Асмодей хочет встретиться. Ты снят с заказа. Я продолжу, а ты поедешь на старое еврейское кладбище. У хозяина к тебе дело, не требующее отлагательств"

"Понял. Удачи"

Изгой без лишних вопросов покинул помещение. За пятьсот лет это второй случай, когда его убрали с задания – первый был двести лет назад. Тогда начались бесчинства вампиров во время эпидемии чумы, братство еще не имело той силы, как теперь, и работы у Палачей было гораздо больше. Изгой должен был полностью уничтожить целый клан новорожденных вампиров, а так же их создателя. Но что могло произойти сейчас? Нечто из ряда вон выходящее, требующее немедленного вмешательства Изгоя.

На заброшенном кладбище завывал ветер, скрипела старая калитка, голые ветви деревьев гнулись, жалобно постанывая. Изгой насторожился – присутствие Хозяина он чувствовал всегда. Вот и теперь Палач явно ощущал то невидимое дуновение смерти вокруг себя. Единственный, кого могли бояться вампиры-каратели – это Асмодей. Хозяин возник перед ним внезапно, в привычном

одеянии, точнее бесплотная тень повисла в воздухе над могильными плитами.

- Похвально. Ты всегда один из самых исполнительных воинов.

Изгой поклонился.

- Жду твоих приказаний.

Тень застыла, и, несмотря на ветер, черные одеяния не развевались, они словно такие же мертвые, как и их обладатель.

- Ты достиг тех высот, Изгой, когда больше не должен выполнять жалкие поручения. Ты достоин серьезных и сложных заданий. С сегодняшнего дня твоя жизнь изменится.

Изгой насторожился. Ему не нравился вкрадчивый тон Асмодея. Слишком сладко стелет.

- У меня для тебя очень трудное задание. Выполнишь, уйдешь на покой, или сам выберешь свою должность при дворе Повелителя. Сможешь просить, что хочешь.

"Значит, подвох все же есть, так просто такие золотые горы не обещали никому".

- Чего ты хочешь, Изгой, отслужив господину столько веков?

- Я еще не решил, подумаю после, - отрезал Изгой, - Говори, Асмодей, не тяни.

Тень исчезла и через мгновение возникла совсем рядом. Изгой чувствовал дыхание смерти, неуловимое, обволакивающее паническим страхом каждую клеточку тела. Таково воздействие Асмодея на своих воинов, это сила гипноза и темной энергии, так он удерживает их в вечном повиновении.

- Королевская семья, Изгой. Тебе предстоит втереться к ним в доверие и кое-что разузнать для нас, а возможно и уничтожить правящее семейство.

Изгой усмехнулся:

– Чем же не угодили Воронов и Мокану Повелителю?

– Они нарушают законы. Они единственная семья, которая имеет наследников. Рожденных бессмертных. Повелитель не верит в то, что столь уникальные отпрыски не обладают сверхъестественной силой. И Мокану, и Воронов скрывают от нас истинную сущность своих детей. У меня есть сведения, что в этом, слишком зарвавшемся семействе, растут уникальные бессмертные. Они представляют опасность для Повелителя. Серьезную опасность. Все перевернется в этом мире, если вампиры начнут плодиться, а может случиться, мы и не знаем, что из себя представляют эти дети. Их скрывают от внешнего мира. Мокану оберегает своих сына и дочь настолько ревностно, что ни один из моих шпионов не смог проникнуть к нему в дом и подкупить обслугу. Те, кого взяли и пытали, не проронили ни слова – они ему преданны. Это государство в государстве. Это вызов нашему Господину. Кто знает, может, Мокану и Воронов готовят свою армию и пытаются захватить всю власть на земле? Мне нужны доказательства. Без них я не могу отдать приказ о ликвидации.

Изгой все еще не понимал, чего от него хочет Асмодей.

– Ты попадешь в эту семью, ты войдешь в их дом и добудешь для меня доказательства их вины.

– А потом?

– Потом? Им вынесут приговор, и ты приведешь его в исполнение. Вампиров уничтожишь, а их отпрысков доставишь ко мне. Армии Апокалипсиса нужны сильные преемники.

Изгой нахмурился:

– Я не доносчик и не шпион. Эти игры не для меня. Не пытайся заставить меня изменить моим принципам. Выбери кого-то другого на эту роль. Хищник будет рад.

– Не тебе решать.

Голос Асмодея прозвучал в голове Изгой, заставив того поморщиться от резкой боли в висках.

– Ты убьешь того, кого я скажу, когда скажу и как скажу. Ты принадлежишь мне, или забыл о сделке? Твоя душа проклята. Я могу забрать ее в любую минуту так же, как и твое бессмертие.

Изгой посмотрел на демона и почувствовал, как в нем закипает волна гнева:

– Наша сделка все еще не состоялась, Асмодей. Ты не вернул мне сестру и не нашел ее ни среди живых, ни среди мертвых. Так что я еще не принадлежу тебе.

Тень возникла позади него.

– Хорошо, не хочешь по-хорошему, я могу и по-плохому. Ответь мне на вопрос – с каких пор мой Палач не убирает свидетелей?

Изгой знал, что рано или поздно Асмодей выдаст этот козырь, но все равно вздрогнул от неожиданности.

– У каждого свои слабости, Изгой? Юная малышка танцовщица поразила воображение одного из самых лютых воинов моей армии?

Изгой посмотрел на тень:

– Не тронь. Я сотру ей память и отпущу на волю. Она ничего не вспомнит.

Глава 6

Асмодей расхохотался.

– Кого ты дуришь, мальчик? Меня? Да я вижу тебя насквозь и знаю то, чего ты сам еще не знаешь. Девчонка понравилась тебе. От нее так сладко пахнет, ее тело напоминает о давно забытых удовольствиях, ее невинность будоражит твое

черное сердце. Ты единственный из всех, кого я знаю, кто прекратил всякую связь с миром наслаждения. Ты не пользовался своей неограниченной властью, ты не удовлетворял своих потребностей с женщинами, и твой голод сыграл с тобой злую шутку.

Изгой усмехнулся:

– Она моя добыча. Мой трофей, вроде домашней зверушки. Если убьешь – плакать не стану.

– Неужели? Почему именно она, Изгой? А не любая другая? Хочешь, я отвечу на тот вопрос, на который ты сам себе боишься ответить? Она напомнила тебе сестру. Нежная, хрупкая, ранимая. Анна, как превосходно она танцевала у ночного костра для своего брата? А братская ли то была любовь, Мстислав?

Изгой зарычал и оскалился. Кровь забилась в висках. Постепенно застила глаза красной пеленой ненависти.

– Не смей. Не смей даже имя ее произносить, ее душа слишком чиста для таких, как ты.

Тень взметнулась вверх и возникла перед Палачом.

– Я прав...Конечно я прав. Как всегда. Нет, ты не хочешь, чтобы маленькая бабочка умерла, ты хочешь, чтобы она порхала, танцевала для тебя. Ты хочешь слышать, как бьется ее сердце и как струится кровь по ее венам. Она воплощение жизни в том царстве смерти, в котором ты живешь. А что, если я скажу тебе, что сейчас Хищник стоит под ее окнами и ждет моего приказа? Ты знаешь, каким жестоким я могу быть. Хищник переломает ей для начала ноги. Одну, потом другую. Каждая минута твоих сомнений – будет для нее вспышкой адской боли. Ты этого хочешь, Изгой? Твоя человеческая сущность еще не проснулась? Я могу ее разбудить? Я могу заставить тебя переживать ее смерть, боль и дикое отчаянье снова и снова.

Изгой стиснул челюсти и сжал руки в кулаки. Боль в висках становилась невыносимой. Мысль о том, что Хищник будет пытаться Диану, оказалась болезненней, чем он мог себе представить. Если девчонка и умрет, ее смерть не должна быть такой мучительной. Только Изгой имеет право лишить ее жизни.

Она его добыча.

– Ну, так как?

Изгой с трудом сдерживался, чтобы не заорать от боли в мозгах.

– Прикажи Хищнику убраться. Я согласен.

– Вот и хорошо. Вот и отлично, мой мальчик. Ты получишь все указания. Отныне ты перестаешь быть палачом без имени. Теперь ты родишься заново. Мокану заключил сделку с польским кланом на продажу фондовых акций. Николас хочет выкупить княжество под Варшавой. Пока что переговоры проходили не слишком удачно. Ты выйдешь с ним на связь и предложишь убедить своих сородичей в выгодности сделки с королевской семьей. Взамен потребуешь земли. Это чудесная сделка, и Мокану не упустит шанс утереть нос Воронову, которому не удалось заключить договор. Мы сыграем на их вечном соперничестве. Кстати, твоя бабочка может тебе пригодиться. С ее помощью ты вотрешься в доверие гораздо быстрее, у королевской семьи – слабость к смертным. Кроме того, они строго придерживаются своих абсурдных законов – не пьют свежую кровь. Отныне у тебя появится имя, наличность, недвижимость, транспорт и штат обслуги. Я уже обо всем позаботился. Для начала переедешь в новые владения и, лишь спустя несколько дней, выйдешь на связь с Мокану. Я передам тебе все необходимые данные. И еще – тебе придется в самые кратчайшие сроки научиться всему, что умеют современные вампиры и смертные. Ты пойдешь в ногу с этим временем. Отныне, ты не безликий палач. Только будь предельно осторожен – если Воронова можно легко обвести вокруг пальца, то Мокану очень серьезный противник и очень сильный. Ты не должен сорвать задание до того, как мы узнаем то, что нам нужно. Кстати я близок к тому, чтобы выполнить свою часть сделки. Закончишь с Черными Львами, и скажу тебе, где сейчас твоя сестра.

Как приятно болят мышцы, это как наркотик. Носок касался пола, до боли, до судорог в лодыжках напрягались сухожилия. Главное, чтобы колени были вогнуты, чтобы полупальцы как можно выше, и отклониться назад, почти доставая рукой до пола. А потом поворот, резко, голову в сторону, и взгляд цепляется за одну точку, чтобы не потерять равновесие. Комната вертелась перед глазами все быстрее, тело ликовало от абсолютной власти над разумом.

Да, я тренировалась. Чтобы не думать, чтобы отдаться танцу, в голове звучали нарастающие аккорды фортепиано, то скрипка вплеталась нежным плачем.

Когда-нибудь я выйду снова на сцену? Или это мой последний танец умирающего лебедя?

Как ни странно, но я ЕГО ждала, смотрела на часы, старые с потертым циферблатом, и ждала. Первым порывом, конечно, было сбежать, но в прошлый раз я убедилась, что может со мной произойти, если Изгой не будет рядом. Теперь я уже не была уверена, что готова испытать судьбу снова. Особенно напугали меня его слова, что если не вернется – я должна бежать. Кто он? Неужели и в самом деле наемник? Вампир.

Больше я уже не сомневалась, в том, что Изгой не человек, а эти жуткие ожоги на его ладонях, это походило на самовозгорание. Словно я попала в фильм ужасов и исполняю в нем роль жертвы, которую в финале обязательно убьют. Или Изгой, или те, на кого он охотится. Жуткое слово, но он и есть хищник. Опасный, умный и очень сильный. Единственное, чего я не понимала, так это почему я до сих пор жива? На кой черт я сдалась Изгою? Почему он спасал меня каждый раз от смерти, но, тем не менее, не отрицал, что скорее всего убьет меня сам.

Я продолжала танцевать, ускоряя темп, забывая о боли в пальцах ног и словно взлетая в легких прыжках.

А если он не вернется? Если его убьют? Я же должна обрадоваться или молиться, чтобы моего похитителя постигла смерть – тогда я смогу скрыться и вернуться к нормальной жизни. Я лгала сама себе – к нормальной жизни я уже точно никогда не вернусь. Во сне меня будут преследовать обезглавленные тела и оскаленные рты монстров. И снова ложь. Я думала не только об этом – я не хотела, чтобы Изгой погиб. Сама мысль о том, что он не вернется именно по этой причине, вызывала во мне странную волну отчаянья. Абсурдную, непонятную и неподвластную мне.

Я сбилась с ритма и снова посмотрела на часы. Скоро уже десять часов, как он ушел. Постепенно мною овладевала паника, и я начала заново кружиться в танце.

Прыжок. Шене. Шанджман де пье. Прыжок. Деми-плие, реливе. Фуете до бесконечности...Пока не закружится голова.

Постепенно тело отделилось от разума, я танцевала и думала, в голове тикала стрелка часов.

Двенадцать часов, а его все нет. Неужели он не вернется?

Я танцевала "Кармен", мое любимое соло, когда Хосе убивает возлюбленную. Я осела на пол с воображаемым ножом в груди и тут же поняла, что уже не одна. Он вернулся. Стоял возле двери, сложив руки на груди, и смотрел на меня. Смотрел необычно, с искоркой интереса, которого раньше не было. Станный взгляд. словно он напряженно о чем-то думал. Когда же я все-таки привыкну к тому, насколько бесшумно Изгой передвигается? Как давно он наблюдает за мной? Сколько времени я уже танцую? Не менее четырех часов, непрерывно. Тело ломало от усталости и странного облегчения. Вернулся.

Глядя на Изгоя, я приподнялась, села и сложила ноги крестиком, обхватив колени.

- Впечатляет, - сказал он мрачно и прошел на середину залы.

Зала...Сильно сказано, конечно, но, тем не менее, зала. Не называть же ее салоном. Мне даже стало смешно. Облезлые стены, облупившийся шкаф и дырявый ковер - салон. Желание улыбаться пропало, когда я увидела, как он вытащил меч и положил на стол. Изгой прикасался к стали с любовью, с нежностью. Клинок сверкнул на солнце, пробивающемся сквозь прозрачные занавески на окне. Длинные пальцы вампира скользнули по блестящей поверхности, и я вдруг с ужасом подумала о том, скольких он убил этим мечом за все годы своего страшного предназначения.

Неужели, он наблюдал за мной и не помешал? Стоял у двери, так как я двигалась по всей комнате, не давая возможности пройти мимо. Что он только что сказал? Впечатляет? Это он про танец?

Изгой сел в кресло. Он снова кого-то убил. Если вернулся, значит, выполнил задание. Хладнокровный монстр, для него чья-то жизнь гроша ломаного не стоит. Как он выразился насчет людей - они букашки, которых он убивает, даже

не замечая. Кстати, я одна из таких, когда будет нужно, он и от меня избавится, как от насекомого. По спине пробежал холодок.

– Сегодня мы уезжаем отсюда, – поставил меня в известность и прикрыл глаза. Я вздрогнула от звука его голоса. Казалось, мужчина устал, хотя я не сомневалась, что этот робот не знает усталости.

– Куда? – спросила я и привычным движением поднялась с пола на полупальцы.

– В новый дом.

Я не удержалась от усмешки. Если "это" он называет домом? То что тогда в его представлении развалины?

– Да, и нам пора познакомиться.

Я удивленно застыла на месте.

– Познакомиться? Разве мы не знакомы?

Изгой открыл глаза и посмотрел на меня – его радужки снова стали сиреневыми. От их пронзительности дух захватило. Да, несомненно, он смотрел на меня иначе, и я не могла понять – нравится мне это или нет.

– Нет, не знакомы. Теперь пришло время начать называть друг друга по именам. Я – Мстислав.

Даже имя ему под стать – старославянское, мужественное, резкое. Почему именно сейчас он решил назвать мне его? Ведь еще вчера сказал, что мне не обязательно знать, как его зовут.

– А я...

– Диана. Я помню, – отрезал он и полоснул меня колючим взглядом, – Ты умеешь водить машину, Диана?

Как непривычно звучит мое имя из его уст. Как странно он ставит ударение. Только сейчас я начала замечать, что у него есть легкий акцент. Не совсем как у иностранцев, но русский не его родной язык, однозначно.

- Умею, конечно. У меня есть маши...была, - осеклась я.

- Отлично. Ты отвезешь нас в новый дом.

- Но на чем? Моя "школа" сгорела в том...

- Я знаю, ведь это я ее поджег, - в голосе удовлетворенность.

- Тогда на чем мы поедем? - не унималась я.

- На новой машине. Не задавай лишних вопросов. Собери вещи, через час мы должны отсюда съехать, и не мешай мне, я хочу посидеть в тишине. Мне нужно подумать, а думать я привык в одиночестве.

Он снова закрыл глаза и теперь походил на дремлющего леопарда. Огромного, сильного и очень опасного. Я ему мешаю. Может он еще и запретит мне дышать?

Вслух я дерзить не решалась. Берет с собой - и хорошо, последнее время я смутно понимала, что должна держаться рядом с ним. И самое странное, мне начинало нравиться его присутствие. Он заполнял собой все пространство, и я переставала испытывать панический страх. Почему-то мне казалось, что Изгой не причинит мне вреда. Может, я ошибаюсь, но сейчас точно не причинит. Хотя взгляд его меня насторожил, в нем что-то изменилось. Только, я нутром чувствовала, что эти перемены не сулят мне ничего хорошего. Если Изгой и начал смотреть на меня с интересом, то с определенной целью, и я не понимала с какой.

Они въехали в новый дом ближе к вечеру. Изгой равнодушно переступил порог шикарного загородного особняка, в отличие от Дианы. Та с восторгом осматривала их хоромы и даже потеряла способность разговаривать от переизбытка эмоций.

После тех каморок, в которых ей пришлось ночевать последние несколько дней, этот дом казался дворцом.

- Ну, ничего себе! Вот это да!

Изгой усмехнулся, криво с презрением. Асмодей умел замылить глаза. Показная роскошь, богатство и шик. Все это мишура и декорации. Спектакль, в котором маленькая бабочка сыграет свою эпизодическую роль. Чем больше Изгой думал о новом задании, тем мрачнее становился. Он не привык к таким играм. Его задача была простой – пришел и уничтожил, замел следы. Все. Коротко, ясно и быстро. Он не умел притворяться и играть, а теперь ему придется, и Асмодей напрасно недооценивал королевскую семью. Изгой всегда с уважением относился к объединенному братству. Сильные правители, сплоченная семья. Изгой не считал, что нужно лезть в это осиное гнездо, где преданность подданных граничила с фанатизмом, плюс еще серьезная поддержка ликанов, с которыми Воронов заключил мир. Беспрецедентный случай за всю историю оборотней и вампиров.

На протяжении нескольких часов Изгой сканировал свою память, вспоминая все, что он знал о Нике Мокану и Владе Воронове. Чем больше думал, тем труднее казалось задание. Не так-то просто войти в дом к вампирам, притом столь умным и могущественным. Кроме того, имеющим родство с Чанкром. Все должно быть продумано до мельчайших деталей. Нужно произвести впечатление, особенно на Мокану – подозрительного, жестокого, очень хитрого и коварного. Серьезный враг. Они наведут справки насчет Мстислава Вольского, перероят всю его подноготную, и если хоть что-то Асмодей упустил, вампиры казнят Палача, не задумываясь. Здесь не поорудуешь мечом, их слишком много, и они умны – это не отбившихся от рук бессмертных убирать с дороги, а ввязаться в войну с братством, а то, что король и князь умеют воевать, Изгой знал хорошо. Несколько побед, одержанных над самыми всемогущими демонами, говорили о многом. Братство сильно, и сила его не в количестве, а сплоченности и преданности королевской семье.

- Здесь мы будем жить?

Голос пленницы вывел его из раздумий, и он посмотрел на то, как она кружит по необъятной зале, словно танцуя, смотрит на цветные витражи и изысканную современную мебель. Изгой нахмурился. В качестве кого он представит эту глупую дурочку вампирам? Подружка? Ха, еще чего. Он должен соответствовать, не вызывать подозрений, быть похожим на них самих. Только любовница. Хотя на статус его женщины Диана не тянула. Нет в ней ни шарма, ни лоска, ни породы. Бойкая, юркая, нежная и слишком беспечная то ли от глупости, то ли в силу юного возраста. За несколько недель ее не изменить, даже если сильно постараться. Вампиры не поверят. Фальшь будет видно за версту. Любовница? Черта с два, она боится его и совершенно не знает. Они даже не друзья. Нет. Их отношения должны измениться, и они изменятся, хочет ли она того или нет. Для начала нужно ее переодеть, купить ей новые вещи, немедленно. Заставить ее иначе говорить, иначе двигаться, а потом... Изгой не хотел думать о том, что ему придется сделать потом.

Есть только два решения: первое – сделать ее своей женщиной, а второе убить.

Что будет наименьшим злом, Изгой не решил. Второй вариант намного проще. Вот прямо сейчас свернуть ее тонкую шейку и закопать во дворе. Секунда, и больше нет помехи, да и козырь Асмодея будет уничтожен. Изгой смотрел, как девушка бросила сумку на пол и восторженно оглядывается по сторонам. Она подбежала к шикарному белому роялю, подняла крышку и наиграла указательным пальчиком "Лунную сонату". Потом тронула клавиши и вдруг спохватилась, вспорхнула как бабочка, приблизилась к картинам на стене, рассматривая их с искренним интересом.

– Это оригиналы?

Ее голос разнесся по зале эхом, и Изгой снова вздрогнул.

– Не знаю. Возможно.

Изгой сжимал и разжимал пальцы. В его висках пульсировало, сердце перестало отбивать привычный ритм. Он лихорадочно думал. Как же просто взять и лишиться ее жизни. Что ему мешает? Раньше он никогда не думал дважды, особенно о жизни смертных. Они умирали, иногда случайно, попадая под руку, иногда намеренно, если мешали заданию или должны были исполнить роль декораций, для очередного заказа. Почему сейчас это так трудно? Кто она такая? Никто.

Ничтожная былинка. Ее и так все считают мертвой. Ее уже оплакали и похоронили, никто даже не узнает о ней. Изгой почувствовал, как к нему приходит твердая убежденность в том, что лучше всего закончить это прямо сейчас. Так гуманней, так правильней. Он уже было двинулся в сторону девушки и вдруг застыл. Она закружилась в танце. Легко, естественно, едва касаясь носочками пола. Даже в грязных джинсах и порванном свитере она походила на птицу в полете. Красивую, гордую, великолепную. Ее тело извивалось, сгибалось и пружинило. Она взлетала в прыжке и бесшумно приземлялась на носочки. Длинные темные волосы выбились из прически и хлестали ее по спине. Тоненькая фигурка, скользящая по полу завораживала, как фарфоровая статуэтка, которая пришла в движение какими-то невероятными чарами. Изгой разжал пальцы и понял, что не сможет. Он никогда не сможет ее убить. Это кощунственно, это все равно, что уничтожить бесценное произведение искусства. Тогда остается первый вариант, сложный и очень чуждый Изгою. Он никогда не ухаживал за женщинами, не собирался и сейчас. Все его похождения – это быстрая возня солдата между боями. Шлюхи, чужие жены, случайные девки в тавернах. Ни одной долгой связи, без чувств, голая физиология – он им деньги, они ему тело. Иногда брал силой, как любой завоеватель в покоренном городе. Так делали все, и он тоже. В его жизни были только две женщины – мать и сестра. Их он боготворил. Остальные – безликие тела, приносящие мимолетное удовольствие после боя.

У него задание, и он его выполнит, и если Диана средство, то так тому и быть. У нее нет выбора, как и у него. Точнее, Изгой сделал выбор за нее. Диана станет его любовницей, хочет ли она этого или нет. На секунду представил себе, как порвет на ней одежду и войдет в ее тело, и собственное отозвалось молниеносно. В висках запульсировало, а в горле пересохло, как от жажды.

– Господин.

Изгой резко обернулся, и в руке сверкнуло лезвие меча. Перед ним стоял вампир-слуга. Палач медленно опустил меч.

– Ты кто?

– Управляющий. Я ждал Вашего приезда. Я здесь к Вашим услугам, и для того, чтобы научить Вас всему в самые кратчайшие сроки. Меня послал Асмодей.

Изгой усмехнулся. Очередная жертва, продал душу за бессмертие, теперь вечный слуга демона. Как и все, кто замешан в этом задании. Значит, королевская семья важна для Асмодея, не просто важна, а бесценна. Коварный демон почувствовал угрозу от сильного клана и решил избавиться от помехи раньше, чем братство наберет еще большую силу и власть. Впрочем, какая разница – они объекты, а у него свое задание. Особенное, непривычное, но, тем не менее, все же задание. И он его выполнит. Как всегда. Ему обещана бесценная награда – сестра и свобода. Возможно, Асмодей отпустит Изгоя и вернет ему душу. Вернет ему то, что так беспечно отдал сам Мстислав в порыве гнева и отчаянья.

– Я сам научусь. Ты лучше займись ею.

Изгой показал на девушку, которая выглядывала из окна, став на носочки.

– Измени ее. Измени в ней все – прическу, одежду, все, что сможешь. Смени ей...

– Имидж?

– Что?

– Ну, стиль поведения ...

– Вот именно. Делай все, что нужно и трать, сколько потребуется. Тебя как звать?

– Константин.

– Так вот, Константин, я хочу, чтобы ты присмотрел за девчонкой.

– Но, у меня инструкции насчет Вас и...

– Сначала она. Со мной разберемся потом.

Изгой снова посмотрел на Диану и усмехнулся – она прислонилась лицом к стеклу и наблюдала за снежинками. В этот момент она была так похожа на Анну, что у него невольно дернулось сердце. Перед глазами возникла картина из

прошлого. Где он, вернувшись из похода, развалился в кресле возле камина, а сестра заметила, как пошел первый снег, и точно так же подбежала к окну, чтобы смотреть на тающие за стеклом снежинки.

На душе потеплело лишь на мгновение, а потом черный мрак окутал сердце – нет больше прошлого. Даже если найдет Анну, то, как посмотрит ей в глаза? Как решится поднять голову после всех грехов, которые совершил? Он Палач, без прошлого и без будущего. Хладнокровный солдат. Машина смерти. Вечный слуга Асмодея. Его место в аду, и возможно очень скоро он туда попадет.

– Можно, я иногда буду здесь репетировать? Тут так просторно, и рояль. Если бы кто-нибудь мне сыграл...

Изгой и Константин переглянулись. Управляющий понимающе кивнул, а Диана только сейчас заметила, что они не одни и смутилась.

– Простите.

Изгой схватил ее за руку.

– Идем, нам нужно поговорить.

Наверное, он немного не рассчитал силу, и она ахнула и попыталась вырвать руку, но он удержал, а схватку ослабил ровно настолько, чтобы не причинять боль.

Диана посмотрела на управляющего, но тот отвернулся, делая вид, что не заметил грубого обращения своего хозяина с гостьей. Изгой чувствовал себя двояко. Он не привык задумываться о своих действиях настолько, если он и прикасался к кому-то, то это были последние прикосновения для жертвы, несущие мгновенную смерть. Сейчас он должен был рассчитывать свою силу, это неудобно, это напрягало. А он не привык к дискомфорту в любых его проявлениях. Девушка раздражала тем, что не понимала, насколько он опасен, и как непредусмотрительно испытывать судьбу, сопротивляясь его приказам.

Изгой направился вперед по коридору в поисках уединенной комнаты, увлекая за собой Диану. Она шла позади, мужчина все еще сжимал ее руку. Это

произошло внезапно, он даже не понял, как раздражение сменилось странным чувством непередаваемого удовольствия. Оказывается, прикасаться, не причиняя боли – это приятно. У нее гладкая кожа, нежная и теплая. Ее пульс бьется под его холодными пальцами испуганно и волнующе. Диана не сопротивлялась, и ему даже показалось, что в какой-то момент ее пальцы сплелись с его пальцами, он невольно перестал ее тянуть за собой, а хватка ослабла еще больше, и Изгой теперь просто держал ее за руку. Собственные ощущения казались яркими и пронзительными, а женская рука в его большой ладони вызывала пугающее чувство, незнакомое и очень странное, и у Изгоя не было ему определения. Он даже не мог понять, нравится ли ему это чувство или нет.

– Мстислав, дай руку. Ну, дай. Я что-то тебе покажу.

– Нет, мышка, я занят, ты не видишь?

– Ну, дай мне руку и закрой глаза.

Мстислав улыбнулся и повернул голову к маленькой девочке, поднявшей к нему нежное личико с сиреневыми глазами. Сердце защемило от любви. Воплощение невинности, красоты, доброты. Девочка скорчила гримасу, имитируя грусть, и Мстислав засмеялся.

– Ладно, плутовка, хорошо.

Он закрыл глаза и почувствовал, как маленькая ручка легла в его большую ладонь.

– Идем, я нашла кое-что и хочу, чтобы ты увидел.

Этим чем-то оказался подснежник на проталине за домом...

Когда они переступили порог первой же комнаты, Изгой выпустил руку Дианы и тут же сжал пальцы в кулак. Непреодолимо захотелось снова к ней прикоснуться. Разозлился на себя. Не привязываться к вещам. Разве не этому

учил его в свое время Асмодей?

- Я сделала что-то не то? Или сказала что-то лишнее?

Девушка обиженно смотрела на него и потирала запястье, на котором остались следы от его пальцев. Он бросил взгляд на синяки, и внутри что-то шевельнулось, неприятное, незнакомое. Почему рядом с ней он реально чувствовал, какое он чудовище? Только потому, что она смертная? Ведь раньше он имел дело с такими же тварями, как и он сам. Ее слабость возбуждала в нем охотника, только дичь вызывала желаниа совсем иного рода, чем просто утолить голод. Точнее наоборот, она будила в нем дикий голод, но совсем иной.

- Нет. Все нормально. Сядь. Ненавижу, когда кто-то перечит мне.

Изгой указал ей на кресло, обтянутое полиэтиленовым чехлом, как и вся мебель в доме. Диана лишь отошла подальше от него, но не села в кресло.

- Я постою.

Упрямо заявила она. Пожалуй, это единственная смертная, которая смела ему дерзить и отчаянно сопротивлялась своему страху, а в том, что она его боялась, Изгой не сомневался, и впервые это не приносило удовлетворения. Даже наоборот, это раздражало.

- Значит, стой. С этого момента твоя жизнь изменилась, поняла? По-прежнему уже не будет, и как ты понимаешь - ты в моей власти. Так что постарайся быть мне полезной и не заставляй пожалеть о том, что не отправил тебя к твоим друзьям на тот свет. Потому что я могу быстро исправить это досадное упущение. Вот так.

Изгой щелкнул пальцами, и девушка вздрогнула.

- Что значит быть полезной? - тут же спросила она.

- Это значит делать то, что я тебе скажу.

Она смотрела на него удивленно и настороженно, видимо понимая, что сейчас ее посвятят в то, чего ей знать не положено.

– На этот раз мое задание не совсем обычное, и ты мне поможешь, хочешь ты этого или нет. Так что это не переговоры, а констатация фактов. Тебе лучше согласиться, потому что второго варианта нет. Точнее есть, но тебе он не понравится.

Диана нахмурилась, но молчала. Изгой видел, как она лихорадочно пытается понять, каким образом может быть полезна ему, но не истерит, а это уже хороший знак.

– Я не буду рассказывать тебе о цели моего нынешнего задания, но что требуется от тебя, скажу. Во-первых – ты забудешь о том, кто я на самом деле. Можешь даже выдумать романтическую бредовую историю о нашем знакомстве и о наших прекрасных чувствах. Для тех, с кем нам придется иметь дело – мы любовники. Ты моя женщина, игрушка, любовница. То есть моя во всех смыслах этого слова.

Изгой увидел, как девушка резко повернула голову, и ее глаза расширились.

– Любовники... – пробормотала она с искренним ужасом, и Изгой криво усмехнулся.

– Вот именно – любовники. А что еще, по-твоему, может связывать актрисульку и вампира?

– Балерину, – поправила его Диана.

– Хоть оперная певица. Не вижу разницы. Ты будешь делать то, что я тебе говорю, и может быть останешься в живых. Все, что ты получишь взамен на сотрудничество – жизнь, и поверь – это немало. Ну как, справишься? Или мне избавиться от тебя сейчас?

Его глаза сверкнули в полумраке комнаты.

– Ты...ты сказал, что мы должны играть любовников. Это будет просто игра или...

Ее голос дрогнул.

– Я еще не решил, – ответил Изгой и вдруг оказался возле нее так близко, что от неожиданности девушка зажмурилась и едва сдержалась от крика ужаса. Он склонился к ее лицу. Губы девушки подрагивали, она побледнела и едва дышала.

Мужчина отпрянул от нее, чувствуя разочарование и злость. Пожалуй, будет адски сложно играть эту чертову роль. А эта смертная настолько его презирает и боится, что вампиры почувствуют этот запах паники за версту.

– Я согласна, – сказала Диана внезапно и открыла глаза. Теперь Изгой удивился – на ее лице решимость и отчаянье, – Но с одним условием.

Брови Изгоя удивленно приподнялись – она ставит ему условия? Это даже становится интересным.

– Каким?

– Когда...когда все кончится, ты вернешь меня обратно, к прежней жизни и навсегда исчезнешь из моей жизни. Никогда больше я не увижу тебя. Поклянись мне в этом, и я сделаю все так, как ты хочешь.

Изгой расхохотался громко, так что стекла задрожали, и зазвенели бокалы в витрине у стены.

– Это и все, чего ты хочешь?

– Да! Это и все, чего я, черт возьми, хочу! Жить нормально и забыть навсегда о тебе и о тех кошмарных тварях, которые тебя окружают.

Ее карие глаза загорелись гневом. Она больше не боялась, она уже преступила ту грань, за которой страх уступает место желанию выжить любой ценой. Инстинкт самосохранения, и Изгой это мог понять. Самое естественное и заслуживающее уважение чувство.

– А самая мерзкая из них, конечно же, я?

Она не ответила, а он снова усмехнулся.

- Поклянись! - потребовала она, смело глядя ему в глаза.

- Ты никто, чтобы требовать от меня клясться! Я никогда и никому не приношу клятв, - Изгой угрожающе на нее посмотрел, - Но я все же сделаю исключение для тебя. Клянусь. Я отпущу тебя, я верну тебе нормальную жизнь. Я даже сотру тебе память, и ты забудешь не только меня, но и все что произошло за все это время.

"Даже больше - я могу вернуть тебя в прошлое, в котором ты меня еще не знала"

Она кивнула, и на ее лице появилось спокойствие, даже умиротворение.

- Что я должна делать?

- Для начала сменить эти жуткие тряпки на нормальную одежду.

Она кивнула, и Изгой решил, что она не так уж глупа, как кажется.

- Тебе бы тоже не мешало сменить гардероб, - тихо заметила девушка.

Изгой невольно повернулся к зеркалу.

"Что с моими вещами не так? Вроде нормально все"

- А как я должен одеваться? - спросил он и пожал плечами.

- Ну не знаю. Уж точно не так, словно ты сбежал со съемок дешевого бразильского сериала.

Изгой не понял, что она имеет в виду, но явно это не комплимент.

Диана осмотрелась по сторонам, и ее взгляд остановился на телевизоре. Изгой никогда не смотрел это изобретение двадцатого века. Знал, что смертные и

бессмертные могут часами смотреть на экран этого плоского сверкающего квадрата. Девушка подошла к телевизору, взяла пульт с тумбочки и включила. От неожиданного звука Изгой напрягся. Экран замерцал, и Палач увиделдвигающиеся фигуры, изображения людей. Диана что-то нажала на пульте, и на экране картинки быстро сменяли одна другую. Наконец, она остановилась и показала рукой на экран:

- Сейчас одеваются вот так.

Изгой с любопытством смотрел на мужчин, передвигающихся по узкому помосту в странных одеждах, рваных джинсах или костюмах с галстуками.

- Кто они?

- Фотомодели. Они рекламируют одежду. Как видишь, они одеты иначе, чем ты.

Изгой презрительно скривился.

- Я не стану носить этот хлам.

- Твое дело. Я только сказала, а тебе решать. Это ты предложил сделку. Где я буду спать?

- Выбирай любую комнату. Мне все равно. Можешь идти.

Но девушка не торопилась покидать комнату, Изгой повернулся к ней и увидел, что Диана смотрит на него с сомнением:

- Здесь достаточно надсмотрщиков и без меня. Сбежишь - найду, ты же знаешь. Только тогда договор будет расторгнут. Как ты предпочитаешь, чтобы я наказал тебя в случае неповиновения - убил сам или отдал ищейкам?

Он снова повернулся к телевизору и услышал легкие шаги позади себя.

Изгой сел в кресло, взял пульт от телевизора и покрутил его перед глазами, потом направил на телевизор, как это делала наглая девчонка, но картинки на экране не сменились. Он принялся нажимать на кнопки, но телевизор

выключился. Изгой потряс пультом, потом постучал о подлокотник кресла.

– Чертова штука, как же ты работаешь? – проворчал он вслух и вдруг услышал смех, звонкий, залиvistый. Обернулся и нахмурился. Девчонка стояла на пороге и смеялась. Над ним. Вначале он разозлился, но ее смех был настолько искренним и заразительным, настолько завораживающим, что он невольно заслушался. Оказывается – Палач не помнил, что люди умеют смеяться. Вот так, как она. На ее нежной щеке появилась ямочка, а в темных глазах – искринки веселья. В этот момент ему показалось, что он увидел ее впервые. А она красивая. Если он вообще отдает себе отчет в том, что такое женская красота. Но разве не так называют люди тех, кто их привлекает? Диана привлекала Изгоя и раньше, но сейчас особенно. Ее щеки разругмянились, глаза искрились, ровные белые зубы сверкали за полными чувственными губами. Он даже невольно потрянул головой. Может это сумерки играют с ним шутку? Ведь еще вчера она казалась ему не более чем очередной жертвой, которую нужно прикончить, и чем быстрее, тем лучше. Девушка подошла к нему и взяла пульт из его рук.

– Вот так включать, а вот так переключать каналы, – показала она и снова засмеялась.

– Дай сюда.

Изгой отнял у нее пульт, но чувствовал, что злиться на нее не может. Наоборот, ему вдруг захотелось, чтобы она не уходила, а осталась рядом и еще раз засмеялась. Для него. Глупое желание. Как-то непривычно и по-людски.

– Иди. Сам разберись. Завтра у тебя трудный день.

" И у меня черт подери тоже", – рядом с ней все становилось сложным.

– Мне нужны деньги, – вдруг попросила она.

Мужчина, не задумываясь, сунул руку в карман плаща и достал пачку купюр, не пересчитывая, протянул ей.

– Я отправлю их родителям, можно?

- Нет!

- Но почему? Я всегда им раньше помогала и...

- Я сказал нет! Ты мертва, и для них в первую очередь.

- Пусть тогда твой управляющий отправит.

Изгой посмотрел на Диану и нахмурился. Что за упрямая девчонка? Почему она постоянно ему перечит?

- У меня три младших брата, и они нуждаются. Все деньги ушли на мою учебу, и когда я наконец-то смогла хоть немного им помогать, появился ты ...

" И все испортил", - закончил за нее Изгой про себя.

- Дай адрес, я сам отдам приказ Константину.

- Нужно в банк положить, - тихо сказала Диана.

- Хорошо, я же сказал - отдам управляющему, и он все сделает. Иди.

Изгой забрал из ее рук деньги и отвернулся. Девушка все еще стояла сзади.

- Что еще? - грубо спросил Изгой, чувствуя, как начинает злиться на себя за слабость.

- Спасибо.

Он нахмурился. "Спасибо" - ему сказали это слово, или он ослышался? Девчонка поблагодарила его? За эти бумажки? А ведь это чертовски приятно.

- Оставь "спасибо" для кого-то другого. Считай, что это аванс.

Как только девушка ушла, Изгой нажал на кнопки, переключая каналы, как она показывала.

Он не заметил, как за окном уже занялся рассвет. Чертов голубой ящик приковал его к креслу на несколько часов, он смотрел, не отрываясь и не моргая. Иногда меняя каналы. Утром он уже точно знал – смертная права. Сейчас не одеваются так, как он, и Константину придется заняться не только гардеробом Дианы, но и его собственным тоже. И не только гардеробом. Оказывается, Изгой совершенно не знал, что из себя представлял нынешний мир. Это ему нужно всему учиться за минимальный срок. Учиться гораздо больше, чем Диана. Ведь это ее время, а он безнадежно застрял вне прошлого и настоящего. Возможно, на это уйдут не недели, а несколько месяцев. Если только... если только он не переступит через себя и не позволит самой Диане помочь ему адаптироваться. Хотя нет, велика честь для нее. Смертная не будет учить самого Палача. Он и без нее справится. Где это видано, чтобы вещь учила хозяина? А Диана его вещь, его первое развлечение за века одиночества. Красивая вещь, декоративная. Но всего лишь вещь, и не более.

Глава (<http://lady.webnice.ru/forum/viewtopic.php?p=2656720>)

8

– У нас проблемы. В городе появился Палач. Именно поэтому все мы отложили свои дела и собрались сегодня здесь, – голос короля зычно разносился в зале Совета Братства. Все смотрели на него настороженно, с предчувствием грядущих неприятностей. Главы кланов не собирались вместе уже более пяти лет. Эта встреча означала то, что происходит нечто очень важное, и братству грозит опасность.

– Палач появлялся и раньше, – возразил кто-то.

– Появлялся. Это правда. Но не чаще, чем раз в столетие, а то и несколько веков. За последние несколько недель – три ликвидации. Не поодиночке, а целыми семьями. Это означает одно – у нас нарушаются законы, и мы не справляемся со своими же собратьями. Это крах, господа. Если начнется зачистка, а такое уже случалось, пострадают все. Пришествие тринадцати вампиров-карателей будет означать смену власти. Насильную смену. В таких случаях начинается бойня. Демоны берут власть в свои руки, и они решают, кто будет править братством. Все, что мы строили и чего добивались все эти годы, будет уничтожено.

Влад оперся на руки и подался вперед.

– А теперь я жду вашего ответа, ищейки. Какого черта у нас творится беспредел, и к нам посылают Палача? Какого дьявола прямо у нас под носом семейство Вышинского устраивало охоту и праздничные ужины с участием смертных? Они уничтожали не по одному человеку, а группами. Люди умирали пачками на протяжении нескольких лет, и все это у нас под носом. Последнее преступление Вышинских повергло в шок даже самых древних вампиров – балетная труппа из двадцати трех человек погибла. Семейство нарушителей уничтожено, вслед за этим ликвидирован один из Гиен, а вчера был обезглавлен глава клана Бродяг. Я спрашиваю – вы совсем ополоумели? Вам за что платят? Вы, вообще, по какому праву не выполняете свою работу? Вы хотите, чтобы я лично провел зачистку в ваших рядах? Так я вам это устрою. Кандидатов море. Незаменимых нет. Мне не нужны вампиры-каратели на моей земле и в мое время.

Влад побледнел, руки сжались в кулаки, он обвел взглядом толпу: глаза полыхали красным огнем, зрачки слились с радужкой. Этот взгляд не сулил ничего хорошего. Вампиры Совета притихли.

– Ты, Криштоф, ты получил должность начальника? Куда ты, мать твою, смотрел? Вышинский убивал смертных в таком количестве, что не заметить было невозможно! Кто продался? Кто покрывал их? Кто организовывал встречи? Чтобы завтра же я знал фамилии, и виновники были наказаны. Мы в состоянии справиться без Палачей. Мы должны это доказать. Николас хочет добавить несколько слов, и после этого Криштоф доложит нам о том, что ему удалось узнать.

Влад сел в кресло и залпом осушил бокал с виски. Теперь все смотрели на князя. Со стороны он мог вызвать улыбку умиления – высокий, статный, с диким взглядом, внушающий ужас всем и каждому вампир нежно прижимал к себе хрупкую девчущку с золотыми волосами и яркими сиреневыми глазами. Больше похожую на маленького ангелочка, сошедшего с полотен художников, или на очаровательную фарфоровую куколку. Девочка по-хозяйски устроилась у него на руках, склонила головку на плечо отцу и обвила его шею тоненькими ручонками. Воплощение невинности. Но это лишь первое впечатление. Несмотря на безумную любовь к дочери, Николас не просто так приводил ее с собой на важные встречи. Маленькая княжна Мокану обладала ценным даром – она умирляла и разрешала любой спор. Не произнеся ни слова, могла обезоружить собеседника только взглядом. С отцом она общалась молча, силой мысли. Она

могла приказать что угодно и кому угодно. Могла заставить собеседника нанести себе увечья, покончить с собой, могла свести с ума. Могла сжечь обидчика на месте. Ее боялись. Серовато-сиреневые кристально чистые глаза загорались красным фосфором и выносили приговор, который не мог отменить даже ее отец. Хотя пока что ему удавалось усмирить трехлетнюю дочь, но все понимали, что как только Камилла вырастет, она станет опасной. Настолько опасной и могущественной, что с ней не справятся даже отец и брат. Камилла дьявольская смесь могущественной ведьмы и вампира, взявшая из обеих рас самые сильные стороны. Все дети королевского семейства сами по себе были уникальны хотя бы тем, что появились на свет. Велес, самый старший из детей – гибрид. Вампир-оборотень, обладающий страшной физической силой. Уже в свои девять лет мог уложить десяток взрослых вампиров. Самуил Второй, так его в шутку звали родственники – Верховный Чанкр, рождающийся раз в тысячелетие, сильнее своей родной тети Фэй в десятки раз, но даже они не могли сравниться с Камиллой. Она взяла то, что никак не могло сочетаться вместе – Чанкр и вампир в одном теле и разуме. Такими качествами, как она, обладали только демоны. Никто не знал и не понимал истинной сущности малышки. Но старые предания грозили, что у Падшего Ангела и вампира могут рождаться демоны, новая раса всесильных и могучих исчадий ада. Маленькая ведьмочка, безраздельно управляющая деспотом отцом, как марионеткой. Сейчас она выглядела спокойной, но ее присутствие означало, что перепалок, споров и распрей на этом собрании не будет. Потому что Камилла фанатично обожала отца. Любой, кто смел вступать с ним в спор, немедленно узнавал, что такое ее гнев. Поблажки были только для Марианны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/soboleva_ul-yana/lyubov-za-gran-yu-5-izgoy

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)